



НОВАЯ ПОЛЬША 7-8/2006

Содержание

1. ПРИОРИТЕТ РОССИИ — САМА РОССИЯ
2. ИНЫЕ ВРЕМЕНА, ИНЫЕ ГОЛОСА
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. НАД-ВРЕМЕНЕМ-И-МЕСТОМ
5. НАШ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
6. ЖИЗНЬ НА ОБОЧИНЕ
7. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
8. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
9. “Рецензия и полемика” – конкурс “Новой Польши”

ПРИОРИТЕТ РОССИИ — САМА РОССИЯ

Москва поняла, что имперская идея отжила свой век, и нашла замену великой ядерной державе — великую энергетическую державу. Россия видит в Польше страну, которая не только присоединилась к основным институтам Запада, но и стала вести активную восточную политику, где ее интересы сталкиваются с интересами России. Так сказал в беседе с корреспондентом радио “Полония” заместитель директора Московского Центра Карнеги Дмитрий Тренин. Беседа велась во время наибольшего политического напряжения между двумя странами в 2005 году.

— Состояние российско-польских отношений, мягко говоря, оставляет желать лучшего. В последние месяцы Москва приняла в отношении Польши целый ряд односторонних недружественных шагов. Польша стала едва ли не главным врагом России. Чем это можно объяснить?

— Не думаю, чтобы Польша стала врагом, а уж тем более главным врагом России. Но атмосфера отношений недружественная — это очевидно. Мне кажется, что сейчас Россия исходит из очень жесткой концепции международных отношений. Российское руководство считает, что конкуренция — определяющий фактор в отношениях между государствами. Сотрудничество существует, но упор все-таки делается на конкуренцию. Глядя на Польшу, Россия видит страну, которая не только присоединилась к основным институтам Запада, но и стала вести активную восточную политику, где ее интересы сталкиваются с интересами России. Сначала была “оранжевая революция” на Украине, в этом году — президентские выборы в Белоруссии. В Москве видят, что внутри Евросоюза и НАТО (особенно Евросоюза) Польша вместе со странами Прибалтики занимает самую скептическую позицию в отношении России. Российское руководство считает, что в таких условиях единственная правильная политика в отношении Польши — это политика достаточно жесткая, которая заставит руководство Польши если не полюбить Россию, то по крайней мере относиться к ней с должным уважением.

— Какова, на ваш взгляд, причина ухудшения российско-польских отношений?

— Российско-польские отношения имеют очень давнюю, богатую историю, в которой было всякое. Но это отношения соседних и в общем-то неплохо знающих друг друга народов и государств. Меня всегда восхищало, как хорошо польская элита разговаривает по-русски. Практически вся польская интеллигенция, правящая элита, экономическая элита — все прекрасно говорят по-русски, гораздо лучше, чем где бы то ни было в мире. В то же время отношения России и Польши — в отличие, скажем, от отношений России и Германии — на протяжении последних 200 лет были отношениями неравными. В отношениях с Германией очень большое значение имеет то, что россияне, Советский Союз — как бы мы не называли эту общность — победили нацизм в 1945 году. Что советские войска пришли в Германию и оставались там на протяжении 49 лет, до 1994 года. Это очень важно, так как в известной степени это содействовало определенному внутреннему удовлетворению россиян. Российско-польские отношения асимметричны и будут оставаться такими в течение долгого времени. Во многом они будут основаны на понимании этого факта. Здесь, на мой взгляд, очень много психологии, очень много политики.

— Несмотря на кризис или застой в официальных, политических отношениях, у нас все-таки, как мне кажется, есть шанс поддерживать партнерские взаимоотношения в области культуры, бизнеса, то есть на уровне межчеловеческих контактов...

— Вы очень правильно обозначили большую область отношений, где существуют хорошие перспективы. Отношение поляков к России — вы меня поправьте, если я ошибаюсь, — характеризуется дихотомией: одно отношение к русским как людям, к русской культуре, и другое — к русскому государству, как бы оно ни называлось: Советским Союзом, Российской империей или Российской Федерацией. Это разные отношения. Я бы сказал, что здесь есть определенная параллель, если рассматривать отношение к своему государству российской интеллигенции, которая постоянно оппонировала власти изнутри. И сейчас наиболее перспективна область негосударственных отношений. Это прежде всего отношения в сфере бизнеса — между польскими бизнесменами и их коллегами в России. Другой сферой я бы назвал отношения между польским и российским гражданским обществом, сотрудничество в области культуры, литературы. Здесь традиционно существовала очень тесная связь. Причем в данном случае поляки и русские абсолютно симметричны по отношению друг к другу. Здесь нет речи о великой державе России и подвергавшейся разделам Польше. В России всегда очень внимательно следили и продолжают сле-

доть за тем, что происходит в Польше, и всегда рассматривали это как важнейший внешний импульс для собственных размышлений, для собственного творчества. Еще очень важная область, на мой взгляд, — контакты между молодыми поляками и молодыми россиянами. Я думаю, что сейчас, когда Польша стала интегральной частью объединенного Запада, важно, чтобы восточное измерение, которое всегда будет присутствовать в польской политике, основывалось на хорошем понимании соседей. И не только украинцев, но и россиян. Для россиян, в свою очередь, очень важно понять, что Европа начинается не на Эльбе, а гораздо ближе, что нынешняя Польша, встраиваясь в Европу, быстро трансформируется, модернизируется. В России традиционно многое воспринималось через Польшу. Я не хочу сказать, что это модель, которая должна существовать. Отнюдь. В глобализированном мире нет нужды в посредниках. Но очень важно, что для россиян опыт поляков имеет особое значение. Это опыт во многом родственного народа.

Два друга: нефть и газ

— Каковы, на ваш взгляд, приоритеты нынешней российской внешней политики?

— Главный приоритет российской внешней политики — сама Россия. Она не стремится к тому, чтобы вновь стать империей в традиционном или нетрадиционном смысле слова. Она не стремится к институциональной интеграции в те структуры, в которые, скажем, вступила Польша. На сегодняшний день российская правящая элита и конкретно президент Путин исходят из концепции России как самодостаточной великой державы, которую нужно будет выстроить в XXI веке. Поэтому приоритет — это сама Россия. Она видит мир как очень конкурентную среду, исходя из известного выражения, что слабых бьют, а значит, нужно быть сильным, чтобы с вами считались. Поэтому Россия отходит от прежней политики, которая отчасти основывалась, скажем, на каких-то остаточных надеждах, иллюзиях, в том числе и в отношениях с соседними странами. В отношениях со странами бывшего Советского Союза Москва отходит от остаточной политики имперских преференций, которые ей мало что давали. Она становится более прагматичной, гораздо более экономически озабоченной и рассматривает себя как довольно большую свободную величину, которая выстраивает самостоятельные отношения со всеми основными силовыми центрами.

— В одном из своих интервью вы сказали, что у России в настоящее время только два друга: нефть и газ. Как следует это понимать?

— На самом деле я попытался пошутить, перефразируя известное высказывание императора Александра III о том, что у России есть лишь два союзника — российская армия и российский флот. Действительно, нынешнее российское руководство исходит из того, что больших, вечных и надежных друзей у России нет. И в принципе быть не может. Что касается нефти и газа, то Россия очень тяжело переживает утрату статуса великой державы. На что, собственно говоря, это остаточное великодержавие должно опираться? Россия — это важный момент — может опереться лишь на то, что есть в России. Она не может сказать, что мы часть Европы и опираемся на коллективный европейский фундамент. Польша и другие центральноевропейские страны могли это сделать. Германия в конце концов нашла в себе силы, чтобы после всего случившегося в XX веке, сказать: мы — Европа и неотделимы от Европы. Россия этого сказать не может. У нее нет внешней опоры. Нельзя встроить Россию во что-то, что было бы больше нее и гармонично с ней сочеталось. Поэтому остается опираться на то, что есть внутри. Москва поняла, что имперская идея совершенно архаична, отжила свой век. В этих условиях подъем мировых цен на нефть и газ создает для России такую “подушку”, на которую она может опереться. Да, мы сегодня крупнейшая, если хотите, энергетическая держава — говорят российские руководители. Без нас энергетическая безопасность в мире в принципе не может быть обеспечена. И в этом смысле, да, российские руководители (это очень важно в психологическом плане) нашли замену великой ядерной державе — великую энергетическую державу. При этом остается “великая” и “держава”. Альфа остается и омега. То, что нефть и газ — друзья России, это не только политический, но еще и политико-психологический фактор.

Россия уходит от свободы

— Какие изменения произошли в российском обществе за последние 14 лет? Появился ли средний класс как залог развитого гражданского общества?

— Я думаю, что главным изменением стало появление денег. Это означает, что в России продолжает развиваться капитализм. Это специфический капитализм. У него есть много различных сторон, в том числе и крайне негативных, но он реален и постепенно создает средний класс. На мой взгляд, люди, которые ощущают себя средним классом и ведут себя в соответствии с нормами европейского среднего класса, составляют приблизительно седьмую часть населения, что примерно соответствует электорату демократических, либеральных партий. Так что Россия еще довольно далека от ситуации, когда средний

класс станет основой общества и когда мы сможем всерьез говорить о демократии. Я, в отличие от моих коллег, не считаю, что Россия уходит от демократии. Она скорее всего уходит от свободы.

— И в политическом плане?

— Прежде всего в политическом плане. В других областях свободы гораздо больше. Я бы сказал, что в политической сфере свобода в России практически отсутствует. На мой взгляд, о демократии в России можно будет говорить всерьез лет через 20–25. Вряд ли раньше.

— А может быть, это произойдет только тогда, когда в России появится, как вы недавно сказали, “политической народ”, то есть критическая общественная масса, которая, например, на Украине, положила начало демократическим преобразованиям — “оранжевой революции”? Что вообще следует понимать под понятием “политический народ”?

— Я бы сказал, что это люди, которые ощущают себя источником власти в стране. Вот Россия, как ни странно, — это страна, где существует власть, но где практически нет государства как института, основанного на определенных принципах, законах. Этого нет. Есть какой-то атомизированный народ. На Украине произошла консолидация по крайней мере половины населения вокруг каких-то общих ценностей, консолидация на основе общего дела, общего действия. Такие страны, как государства Центральной Европы, включая Польшу, имели возможность колоссально ускорить и обеспечить свою модернизацию и трансформацию обществ, благодаря возможности институционально вступить в евроатлантические структуры. В России этого нет и в принципе быть не может. В России аналог идеи Европы — великая держава. То есть тут консолидация возможна на какой-то державной основе.

— Вы неоднократно посещали Польшу. В последний раз, еще в 2004 г., вы были гостем Экономического форума в Кринице. Что для вас лично значит Польша?

— Польша — это страна, с которой я познакомился в детстве. Здесь у меня был и остается близкий друг. Особенно в детские годы мы какое-то время были самыми близкими друг другу людьми. Он поляк и прекрасный, как мне представляется, человек.

— Вы могли бы сказать, кто это?

— Я не хотел бы называть его, потому что это известный человек. Он меня многому научил в том, что касается польской истории и польской литературы, польского национального характера. Так что еще в детстве я проникся большим уважением к Польше. Наверное, это сохраняется до сих пор. Польша дает двоякий эффект: с одной стороны, это очень близкий народ и очень тесно переплетенная история, а с другой — это народ, который исповедует другую систему ценностей. Это другая религия, другой подход к организации общества, другой подход к личности. Очень много общего и очень много кардинальных различий. Такого эффекта я больше нигде не встречал, ни в одной другой стране. Есть страны, которые, наверное, ближе России (скажем, в юго-восточной Европе), и есть страны, которые от нее значительно дальше. Польша дает удивительную комбинацию, где, на мой взгляд, столько же общего, сколько и различий. И то и другое контрастно. А эффект получается фантастический.

Вел беседу Анджей Сежповский

Конкурс "НП" - Рецензия и полемика

написать в редакцию

ИНЫЕ ВРЕМЕНА, ИНЫЕ ГОЛОСА

Начну с того, что представляюсь: я много лет проработал редактором ежемесячного журнала “Польша”. И еще одно: когда я впервые стал редактором этого журнала, у меня состоялось несколько интересных разговоров с Юрием Нагибиным. Он в то время находился в Варшаве на так называемой литературной стипендии. И, в соответствии со своим темпераментом и писательским инстинктом, он знакомился со столицей Польши и с нами, поляками, не посредством официальных контактов: он вел себя так, будто был одним из варшавян, гулял — говоря его словами — как кошка, сам по себе. Стоял в очередях за ежедневными покупками, встречал в разговоры у пивного ларька. Обязательные встречи с Ежи Путраментом и другими чинами Союза польских писателей значили для него, пожалуй, меньше, чем встречи с соседями с аллеи Неподлеглисти, где он поселился.

“Наша дружба, — сказал он мне однажды, — может стать реальностью не потому, что поляки и русские друг на друга похожи, так как и те и другие — славяне. Матрицы нашей истории были разными. Нам надо просто как следует друг друга узнать и понять. А мы знаем друг о друге очень мало”.

Я уговаривал его написать что-нибудь для нашего журнала, ссылаясь на то, каким плодотворным оказалось пребывание в Польше Иосифа Юзовского, на его записки. Будущий автор повести “Встань и иди” никак не соглашался:

— Тогда было другое время. Тогда и в нашей, и в вашей жизни было больше кислорода.

Но все же он написал, а потом объяснил мне, в чем, в частности, заключается различие матриц истории. Объяснил на примере отрывка из его очерка “Варшавский дневник”, опубликованного в 1974 году в журнале “Польша”. Вот этот невинный — как мне казалось, пока автор не объяснил, — отрывок:

“Высоко и гордо поднимаются стены кафедрального собора святого Яна, взорванного гитлеровцами. Собор давно восстановлен, как и все Старое Место, в своем первозданном облике. В кирпичную его стену по Дзеканей улице вмурован обрывок танковой гусеницы. Медная доска скупно повествует о преступ-

лении гитлеровцев, направивших „голиаф” на дом католического Бога”.

— У нас в Москве, — сказал Юрий Маркович, — любой, прочитав это, тут же вспомнит о судьбе храма Христа Спасителя. А от такой ассоциации недалеко и до других.

А я, раз уж мы заговорили о языке намеков, думал о другом. О том, что словами русского или, как тогда говорили, советского писателя мы можем осторожно, полунамеком напомнить, что Польша — страна католическая. Читатели журнала “Польша” могли узнать о нашей стране много самого разного и интересного, особенно для молодежи, как, скажем, о популярности автостопа или джаза. Помещенный в журнале репортаж с очередного Jazz Jamboree давал безусловную гарантию того, что данный номер станет особенно востребованным. Но если бы информация о Польше ограничивалась только тем, что можно было прочитать в выходившем на русском языке журнале, то его читатели понятия бы не имели, что в нашей стране существуют частная собственность на землю и единоличные сельские хозяйства и что преобладающая часть населения Польши по своему вероисповеданию — католики, а Церковь представляет собой суверенную силу.

Журнал “Польша” выходил 36 лет, до 1990-го; в определенный период тираж достигал почти четверти миллиона экземпляров, а то, что в год к нам поступало около ста тысяч писем и ответов на разные редакционные конкурсы, мы считали нормой. Популярность иллюстрированного журнала лишь в некоторой степени была заслугой журналистского коллектива, состоявшего, в частности, из выпускников русистики. Работал феномен Польши как страны, где снимают свои фильмы Анджей Вайда, Кшиштоф Занусси и Ежи Гоффман, создают музыкальные произведения Витольд Лютославский и Кшиштоф Пендерецкий, пишут свои картины такие художники, как Ежи Новосельский и Анджей Струмилло. В письмах читателей постоянно звучали просьбы сообщать о новых произведениях Станислава Лема. Что касается актерского творчества, то Барбара Брыльская, Беата Тышкевич, Даниэль Ольбрыхский и Ольгерд Лукашевич были популярны в СССР не менее, чем среди польских зрителей.

Читатели журнала “Польша”, который, несмотря на большой тираж, было трудно достать, наскоро пролистывали первые страницы, на которых металлург Брежнев обнимался или смачно целовался с шахтером Гереком, что служило символом дружбы между СССР и ПНР; пропускали скучные комментарии насчет постоянного углубления этой дружбы и старались найти более интересную информацию о Польше.

Нагибин находился в Польше в первой половине 1974 года. Это было уже то время, когда часть интеллигенции, поверившая, что и при существующем строе возможны демократические реформы, утратила свои иллюзии. Тем не менее в тот год мы смогли представить своим читателям лауреатов Государственной премии I степени — в частности, Мариана Брандыса, Конрада Свинарского, Марию Кунцевич, Анджея Кусьневича, Юлиуша Стажинского. Значение творческих достижений каждого из этих лауреатов не вызывает сомнений и сегодня.

Я не знаю, какое мнение о журнале “Польша” того периода записывали в своих дневниках советские оппозиционеры, и замечали ли они его вообще; но если да, то надеюсь, что их мнение отличалось от того, что записал 2 мая 1974 г. Стефан Киселевский по поводу издававшегося на польском языке — как бы в ответ на наше издание — ежемесячного журнала “Край Рад” (“Страна Советов”).

“Кошмарное впечатление производит также пропагандистский журнал “Край Рад”, который лежит во всех парикмахерских. Как подумаешь, что они считают пропагандой ту невероятную чушь, которая содержится в этом издании, то можно лишь ужасаться той глубочайшей пропасти психологической отчужденности, какая возникает между нами, — эту бездну и сотне Солженицыных не засыпать!”.

Я думаю, что после написанного мною выше, становится понятно, почему довольно регулярно на моем письменном столе появляется очередной номер ежемесячного журнала “Новая Польша”, хотя это издание адресовано вовсе не варшавскому читателю. И тогда я достаю журнал “Польша” с аналогичным номером. Вот передо мной номер 4 (74) “Новой Польши”, и я переносусь ровно на тридцать лет назад.

С обложки номера 4 (260) журнала “Польша” за 1976 год на читателей смотрит Барбара Брыльская — актриса, которая им уже хорошо известна благодаря главной женской роли в фильме Эльдара Рязанова “Ирония судьбы”. И, возможно, только очень внимательный читатель задавался вопросом, почему это на внутренней стороне обложки редакция сообщает: “Подробнее об этой актрисе мы напишем в майском номере журнала”.

А дело было вот в чем. Редакция планировала украсить обложку майского номера фотографией пани Барбары и в том же номере поместить беседу с ней. В апреле же мы хотели представить другую прекрасную актрису театра и кино — Александру Шлёнскую. Но когда апрельский номер уже печатался, я получил из отдела печати ЦК распоряжение убрать с готовой обложки фо-

тографию Шлёнской и снять текст о ее творческих достижениях. А в типографии уже находилась обложка майского номера с Барбарой Брыльской, и это спасло нас от значительного опоздания с выпуском очередного номера.

С чем же было связано распоряжение партийной диспетчерской службы, управлявшей в Польше и печатью, и радио, и телевидением? Александра Шлёнская оказалась среди смелых людей, в том числе выдающихся деятелей культуры, подписавших протест против изменений в конституции ПНР — против внесения в нее положений о руководящей роли ПОРП и союзе с СССР.

Первое дополнение, вносимое в конституцию, усиливало диктат одной партии, что противоречило основополагающим принципам демократии, которая, впрочем, и так была в Польше фиктивной. Второе дополнение — как это восприняли протестующие — соответствовало доктрине Брежнева об ограниченном суверенитете братских стран. Я не знаю, удалось ли теперь историкам выяснить, кто все-таки был инициатором идеи, чтобы в конституции Польши появился императив о союзе с гегемоном. Возможно, это стало результатом его прямого давления, выразившегося — о чем говорила вся Варшава — во вмешательстве посла Пилотовича. Но это могла быть и собственная инициатива ПОРП, проявление сервилизма. И та, и другая версии вполне возможны. Именно в “Новой Польше” я когда-то прочитал в статье Виктора Хорева о том, как другой посол СССР в Варшаве, Г.Попов, требовал внести изменения в польский гимн и писал: “Текст гимна в политическом отношении абсолютно устарел и по своему содержанию является антирусским и шовинистическим”.

Наверное, можно не объяснять, что Шлёнская не была шовинисткой и не имела антирусских предубеждений. Из беседы с ней, которая, как и обложка, не была напечатана, следовало, что она высоко ценит русскую культуру, выступает за самые широкие контакты поляков и русских и желает подлинного сближения.

В жизни нашего издания в упомянутом 1976 году и в последующие годы позднего Герека — как у нас иронически называют те времена — бывали и другие моменты. Мы напечатали присланные нам переводы стихотворений Казимеры Иллакович, сделанные известной по периоду оттепели поэтессой Натальей Астафьевой. (Напомню, что о трагической судьбе семьи Натальи Астафьевой и о замечательных творческих достижениях поэтессы рассказала недавно “Новая Польша”.) У нас была опубликована большая подборка стихотворений Мариана Гжешака. Мы опубликовали также фрагменты биографии Дмитрия Шос-

таковича, написанной композитором Кшиштофом Мейером. В связи с 50-летием со дня смерти Яна Каспровича мы опубликовали подборку его стихотворений в переводе Святослава Свяцкого. Как я записал тогда в своем дневнике, мы получили более 30 писем от читателей, которых заинтересовал рассказ журнала “Польша” о польских инженерах, раскрывших тайну немецкой шифровальной машины “Энигма”.

В номере 4 (284) за 1978 год, то есть в 35-ю годовщину восстания в варшавском гетто, мы напечатали обширные фрагменты книги Ханны Краль “Опередить Господа Бога”. Из отдела печати ЦК потом позвонили, чтобы сказать, что не следовало этого делать. Я говорю об этом телефонном звонке только для того, чтобы передать атмосферу, которая царила в стране; ничего оппозиционного журнал бы и не решился себе позволить. В ответ на нашу публикацию пришел ряд писем с просьбой напечатать интервью с Марекком Эдельманом. И вот теперь, читая 4 (74) номер “Новой Польши”, я подумал о тех несбывшихся пожеланиях читателей. Подумал в связи с материалом “Человечество, что остается. “Campo di Fiori” 50 лет спустя”.

Я был редактором журнала “Польша” дважды. Первый раз в 70-е годы, начиная с того момента, когда казалось, что в политике нового первого секретаря ЦК Герека присутствуют — в области экономики и культуры, — долгосрочные либеральные акценты, отличающие ПНР от других стран соцлагеря. А второй раз — в период, когда в СССР появился, наверное, не предугаданный даже самыми искушенными советологами, Горбачев вместе с такими понятиями как перестройка и гласность.

В этот второй период моей работы в журнале новое значение приобрели встречи с читателями, бывшие прежде весьма формальными. Последняя моя встреча с читателями состоялась в Минске. В своем дневнике 20 июня 1989 г. я записал:

“Спустя годы я опять в Белоруссии. Другой Белоруссии, замечу. Осенью прошлого года в Вильнюсе и Каунасе я был свидетелем того, как пробуждалась Литва. Это было похоже на взрыв, неожиданное высвобождение скрытой энергии. Белоруссия пробуждается по-другому, это напоминает медленный подъем воды. Как оживает наполовину высохшее, погибающее уже озеро, которое капля за каплей начинает наполняться. Когда-то в Минске на улице практически никто не говорил по-белорусски, теперь часть интеллигенции делает это демонстративно. И тем более неожиданной стала для меня увиденная по местному телеканалу передача, представлявшая собой жаркую, резкую, бескомпромиссную защиту белорусского языка”.

А через два дня я сделал такую запись:

“Встреча была удачной, мне задали два с лишним десятка вопросов. Спрашивали о результатах выборов и кто будет президентом, про Церковь и про сельскохозяйственную политику, про 1939 год. (...) Я познакомился с Мальдзисом, попросил его написать что-нибудь для “Польшы”, однако он сейчас занят составлением библиографии всей литературы на белорусском языке с момента ее зарождения (...) Я встретил также художника, который иллюстрировал последнее белорусское издание “Пана Тадеуша” — поскольку “Польша” напечатала репродукции этих иллюстраций, я вручил ему тот номер нашего журнала”.

Встречу в Минске я мог считать удачной, но вернулся с ощущением, что прежняя формула журнала исчерпала себя и что мы не можем угнаться за темпами перемен, происходящих как в Польше, так и у соседей. Это подтвердила предложенная редакцией анкета. Анкета была подробной, ее заполнение требовало от читателей определенной заинтересованности и искренности. Мы получили 2160 ответов. Более 500 читателей не ограничились лишь ответами на вопросы, прислав дополнительно свои замечания, оценки, просьбы, и все это, собранное вместе, могло бы составить книгу объемом свыше тысячи страниц. Сегодня, когда Центр Левады в Москве может провести опрос на любую тему и получить репрезентативные ответы россиян, тогдашняя наша попытка узнать их мнение о журнале “Польша” и одновременно о самой Польше выглядит скромно. Но в то время она представляла собой любопытный материал к размышлению.

Для начала нечто попроще, отрывок из высказывания Юрия Сбойчакова из деревни Фоки в Пермской области: “В нашей прессе ничего не пишут о сексе, культурой сексуальной жизни у нас пренебрегают. Может быть, элита что-то знает и читает на эту тему, но я и многие, такие как я, простые люди из низов, ничего на эту тему не могут узнать. Только на пятидесятом году жизни я прочитал об этих проблемах на страницах вашего журнала. Я по-прежнему хотел бы получать информацию об этих проблемах, так как они относятся к элементарной культуре человека”.

Читая эту и некоторые другие подобные косвенные похвалы журналу “Польша”, я был все-таки убежден, что время ханжеских нравов у наших соседей тоже проходит и консультации в области секса — не то направление, которое следует развивать. Впрочем, почти половина ответов на анкету содержала запросы, которые Владимир Гавриченко из Томска сформулировал

следующим образом: “Поменьше об ОПСД [Обществе польско-советской дружбы] и даже о молодежной музыке и спорте, побольше информации, причем самой разнообразной, о Польше сегодняшней, о ее проблемах, связанных с обновлением (Церковь, частные предприятия, оппозиция). Помещайте самые интересные статьи из польской прессы на эти темы”. “Журнал слишком энигматично пишет об острых политических проблемах”, — заключала Наталья Дейр из Ленинграда. А Сергей Муравкин, 32-летний электрик из Владимира, даже конкретизировал этот упрек. “Я всегда с большим интересом читаю “Польшу”, но только недавно из нашей “Литгазеты” узнал, что лидер “Солидарности” Л.Валенса является лауреатом Нобелевской премии, что у него восемь детей и т.д. Почему я узнаю об этом из нашей газеты, где “Польша”?! (...) Нам нужны объективные материалы о том, что происходит. Журнал от этого станет только более популярным”. Читатели требовали, чтобы мы писали о том, может ли патриотизму поляков угрожать национализм. А Польша как страна исторически толерантная, спрашивала Татьяна Коловратная из Житомира, может ли отступить от этой традиции? Нам подсказывали конкретные темы, касающиеся культурной жизни, начиная с пожелания шире представлять творчество Виткация и кончая требованием публиковать воспоминания Даниэля Ольбрыхского о его дружбе с Высоцким. Более 500 фамилий читателей, некоторые письма — это почти статьи.

В последний год существования журнала “Польша” мы опубликовали в нем 190 страниц учебника польского языка для начинающих, отрывки из “Дневника” Витольда Гомбровича, масштабно представили двух непоколебимых сторонников сближения поляков и россиян через культуру: русиста Анджея Дравича и полониста Андрея Базилевского. Базилевский переводил, в том числе и для нас, произведения Стахуры, Бурсы, прозу Виткевича, стихотворения отца Яна Твардовского. Он представил на наших страницах бескомпромиссную оценку поверхностного и фальшивого образа польской литературы, который существовал и официально распространялся. Но время журнала “Польша” подходило к концу. Я писал в прощальной статье:

“Легендарный царь Мидас известен тем, что все, к чему он прикасался, превращалось в золото, хотя это отнюдь не принесло ему счастья. Все, к чему прикасалась сталинская или послесталинская система, даже самые благородные идеи и принципы, превращалось в фальсификаты, которые часто во всех деталях напоминали подлинники, и тем не менее были всего лишь имитациями. То же случилось и с идеей дружбы наших народов”.

На этом напоминании о конце популярного иллюстрированного ежемесячного журнала и своей, обращенной к читателям самокритике, я мог бы поставить точку. Но к очередным номерам “Новой Польши” я обращаюсь не только и не столько для того, чтобы позавидовать ее редакторам в том, что у них всегда есть возможность существовать в пространстве подлинности и что никакая партийная диспетчерская не ограничивает их стремление представлять россиянам подлинный образ Польши и ее проблемы. Я — один из тех, кто регулярно смотрит российское телевидение и старается читать газеты, в том числе и те, которые, несмотря на исторические ураганы, не сменили своих названий — скажем, такие как “Комсомольская правда”, в которой я когда-то публиковался. Я стараюсь знакомиться с последними, приобретшими в России шумную популярность книгами. Я слежу, насколько это возможно издали, за тем, что происходит в политике, в культуре, в интеллектуальной жизни России. И меня интересует, в какой степени издаваемый в Варшаве журнал созвучен тем дискуссиям, которые ведутся в кругах российской элиты, и созвучен ли он выдвигаемым ею концепциям; имеет ли этот журнал шанс, представляя наши раздумья и споры, быть форумом для обмена мыслями и идеями между общественностью обеих стран.

Да, имеет. Буквально через день после того как я получил номер “Новой Польши”, в котором была опубликована беседа о стихотворении Чеслава Милоша “„Campo di Fiori” 50 лет спустя” и предсмертный дневник Януша Корчака, я посмотрел по РТР “Планета” в документальном цикле Николая Сванидзе “Исторические хроники” очередную передачу — речь шла об ужасной судьбе Соломона Михоэлса. О том, что антисемитизм был по существу элементом, встроенным в сталинское тоталитарное видение мира. Польские публицисты и историки подчеркивают цинизм пакта Риббентропа—Молотова, хотя в России по сей день можно встретить его защитников. А Сванидзе напомнил, что Сталин во время встреч с Риббентропом не только провозглашал тосты в честь Гитлера, но и обещал своему гостю — так это можно расценивать, — что со временем он уберет евреев из культурной и научной жизни. Он планировал не только геополитическое — а некоторые его сторонники готовы это ему простить, — но и идейное сближение с гитлеровской Германией.

Оценка сталинизма и его разрушительных для народов обеих стран последствий, осуждение антисемитизма, шовинизма и всяческих попыток поставить себя выше других, в том числе и соседей, — это не единственные элементы, объединяющие тех выразителей общественного мнения в наших странах, которые заинтересованы в том, чтобы мы взаимно познавали друг дру-

га, заинтересованы в сотрудничестве и сближении. Добросовестные историки, чуждые конъюнктуре публицисты как в Польше, так и в России, заинтересованы в том, чтобы представление собственной истории, собственной культуры, а также дискуссии о национальных интересах не превращались в националистическую одержимость.

Журнал “Новая Польша” — да будет мне позволено утверждать, как человеку, который много лет назад редактировал другой польский ежемесячный журнал, выходивший на русском языке, — развивается именно в таком интеллектуальном направлении.

Конкурс "НП" - Рецензия и полемика

написать в редакцию

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Папа Бенедикт XVI в концлагере Аушвиц-Биркенау: “В месте, подобном этому, слова оказываются бесполезными, а сердце в пронзительной тишине взывает к Богу: „Господи, почему Ты молчал? Почему Ты допустил это?“ (...) Я прихожу сюда (...) как преемник Иоанна Павла II и в то же время как сын немецкого народа — того народа, в лоне которого зародилась группа преступников, пришедшая к власти с помощью обманчивых обещаний величия, восстановления чести и значения страны. Рисую перспективы благосостояния, они не останавливались перед террором и запугиванием, чтобы воспользоваться народом как орудием своей жажды разрушения и власти (...) Сколько вопросов возникает в этом месте! Но снова и снова возвращается один: „Где был Бог в те дни?“ (...) Место, где мы стоим, — это место памяти, место Шоа (...) Я прошел вдоль плит, которые на разных языках напоминают о жертвах этого места (...) На одной из них — надпись на иврите. Властители Третьего Рейха хотели полностью истребить еврейский народ, стереть его с лица земли (...) Уничтожая Израиль, они хотели в конечном счете вырвать корни христианской веры и заменить ее созданной ими верой в господство человека — сильного человека. Есть тут и плита с надписью на польском языке. С самого начала нацисты пытались истребить прежде всего интеллигенцию, чтобы таким образом уничтожить народ как самостоятельный исторический субъект, чтобы превратить его — если от него еще что-то останется — в народ рабов (...) Есть также плита на русском языке, которая увековечивает память бесчисленного множества русских солдат, павших в борьбе с национал-социалистическим режимом. Однако эта плита заставляет нас задуматься и о трагической двойственности их миссии: освободив народы от одной диктатуры, они стали орудием, с помощью которого те же самые народы были ввергнуты во власть новой диктатуры — Сталина и коммунистической идеологии”. (“Тыгодник повсехный”, 4 июня)

• “На вчерашней генеральной аудиенции Папа Бенедикт XVI поблагодарил поляков за теплый прием во время его визита в Польшу (...) Больше всего места в своем выступлении Папа уделил посещению гитлеровского концлагеря Аушвиц. Бенедикт XVI призвал человечество не забывать об этих испытаниях

и предостерег от соблазна расовой ненависти, порождающей антисемитизм”. (“Дзенник”, 1 июня)

• Президент Лех Качинский: “Моя встреча с президентом Украины Виктором Ющенко в Павлокоме имеет огромное значение (...) В 1945 г. эта деревня стала местом особенно трагических событий. Отсюда была похищена группа поляков, которых затем убили и похоронили в неизвестном месте. Спустя несколько недель польские вооруженные формирования истребили большинство украинских жителей Павлокомы. Преступление на целые десятилетия окружили завесой молчания, а жертвам так и не поставили крестов, лишив их молитв близких. Павлокома стала для украинцев символом трагедии их народа (...) Мы должны открыто говорить о болезненном и трудном прошлом, шаг за шагом вырабатывая единую, справедливую оценку всех военных трагедий — и польских, и украинских (...) Пожалуй, лучше всего совместные достижения поляков и украинцев были видны на киевском Майдане Незалежности, где в „оранжевой” толпе рядом развевались украинские и польские флаги, а на наш голос солидарности Майдан ответил возгласом: „Хай живе Польща!” Этого из нашей истории уже не вычеркнуть”. (“Дзенник”, 13–14 мая)

• “В воскресенье президент Виктор Ющенко почтил память жертв коммунистических преступлений в Быковне под Киевом (...) В Быковне покоятся около 100 тысяч человек, расстрелянных в 1937–1941 годах. Похоронены там и убитые НКВД польские офицеры, попавшие в советский плен в 1939 году. Киев сообщил польскому Институту национальной памяти (ИНП), что в Быковне обнаружены останки 270 наших офицеров (...) В середине июня наши специалисты начнут в Быковне эксгумационные работы”. (“Газета wyborча”, 22 мая)

• “Служба безопасности Украины (СБУ) (...) будет искать в своих архивах документы, которые позволили бы выяснить судьбу польских офицеров, расстрелянных НКВД на территории Украины (...) Речь идет о 3435 поляках, которых в марте 1940 г. вывезли из тюрем на Западной Украине в направлении Киева и Херсона”. (“Газета wyborча”, 8 июня)

• Стефан Меллер, бывший посол Польши в Москве, бывший министр иностранных дел: “Вопреки тому, что мы иногда слышим от россиян, нет ни одного разумного поляка, который, говоря о катынском преступлении, обвинял бы в нем русских как народ. Мы знаем и не устаем повторять, что ответственность за него несет тогдашняя структура тоталитарного государства. Я считаю, что несогласие Москвы с предлагаемой Польшей формулой осуждения катынского преступления вредит планам де-

мократизации России. Абстрагируясь от двусторонних отношений между нашими странами, такое замалчивание правды засоряет российское мышление о собственной истории и затрудняет бегство от проклятого для всех нас — поляков и россиян — наследия коммунистических преступлений. До тех пор, пока это не изменится, отношения между Польшей и Россией будут дестабилизировать не только газопровод по дну Балтийского моря, но и пропасть в учебниках истории и в памяти польских семей”. (“Дзенник”, 24 мая)

- “На территории Польши находится 638 зарегистрированных кладбищ, а также братских и одиночных могил красноармейцев, погибших во время II Мировой войны. По польским данным, в них покоятся 488 тыс. солдат и офицеров, павших в бою, и 800 тысяч замученных в лагерях для военнопленных. По мнению россиян, в Польше похоронены 600 тыс. павших в бою и более 700 тыс. военнопленных. Однако, независимо от источников, данные эти носят лишь оценочный характер и потому в Польше сопровождаются комментарием: „плюс неизвестное число”. Это касается прежде всего военнопленных”. (Мартин Огдовский, “Политика”, 27 мая)

- “Польские дипломатические источники подтверждают: (...) в Варшаву действительно поступило предложение провести встречу Качинский—Путин у президента Белоруссии Александра Лукашенко (...) Заместитель главного редактора „Новой газеты” Андрей Липский (..) комментирует сообщение о российском предложении однозначно: „Если оно подтвердится, это может означать только одно: Кремль не слишком вежливо отказывает польскому президенту во встрече” (...) Подобным образом думает и публицист (...) газеты „Коммерсант” Сергей Строкань: „По-видимому, Кремль не желал этой встречи””. (“Жечпосполита”, 26 мая)

- Президент [Лех Качинский] подтвердил факт получения от Владимира Путина письма, в котором тот предлагает встретиться на нейтральной территории, т.е. в лукашенковской Белоруссии (...) По мнению президента, предложение встретиться в Белоруссии “неприемлемо”. (“Газета wyborча”, 1 июня)

- “Более двадцати ракетных комплексов С-300, которые Россия передала Белоруссии и которые в ближайшие недели будут размещены непосредственно за нашей восточной границей, должны стать эффективной защитой от воздушной атаки „с Запада” — т.е. с территории Польши (...) Решение передать Белоруссии ракетные комплексы прекрасно вписывается в международную стратегию Москвы (...) Примером может послужить недавнее заявление министра обороны России Сергея Иванова, сообщив-

шего о намерении существенно усилить российские вооруженные силы в Калининградской области. Все это создает впечатление, что за нашей восточной границей снова берет верх тон „холодной войны””. (Славомир Поповский, “Жечпосполита”, 7 мая)

- “Почти 9 тыс. солдат и офицеров из Белоруссии и России примут участие в запланированных на 17–25 июня учениях (...) Эти учения пройдут прямо за нашей восточной границей (...) На заключительном этапе за ходом учений будут наблюдать президенты России и Белоруссии Владимир Путин и Александр Лукашенко”. (“Жечпосполита”, 10–11 июня)

- “Президент Литвы наградил маршала Сената Богдана Борусевича большим командорским крестом ордена великого князя Литовского Гедиминаса. Президент Адамкус подчеркнул заслуги одного из бывших лидеров „Солидарности” в деле поддержки литовского стремления к независимости, а также его личный вклад в укрепление литовско-польских отношений”. (“Газета wyborча”, 22 мая)

- “Вчера в полдень президент Лех Качинский неожиданно провел незапланированное заседание Совета национальной безопасности. Президент, премьер-министр, маршалы Сейма и Сената, а также министры внутренних дел и обороны обсуждали вопрос энергетической безопасности Польши (...) Сразу же после заседания совета президент вылетел в Киев (...) в качестве специального гостя встречи в верхах президентов Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии (...) Речь должна была идти о защите от энергетического шантажа России. Польша заинтересована в строительстве трубопровода Одесса—Броды, по которому к нам будет поступать нефть из черноморских портов в обход России”. (“Дзенник”, 23 мая)

- Министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк: “Лучшая гарантия стабильности Европы — это конструктивное сотрудничество между Францией и Германией на западе и Польшей и Украиной на востоке”. (“Дзенник”, 15 мая)

- “„Все, что препятствует добрососедским отношениям Польши с Германией, деструктивно для Европы”, — сказал Лех Качинский (...) Стоя в Варшаве рядом с немецким президентом Хорстом Кёлером, он назвал два вопроса, „по которым наши мнения расходятся”. Это строительство „Центра против изгнаний” и договор о строительстве Северного газопровода по дну Балтийского моря в обход Польши”. (“Дзенник”, 19 мая)

- “115 полицейских отправились из Слупска в Косово в рамках миротворческой миссии. Поляки будут, в частности, охранять и конвоировать людей и спецгрузы, а также преследовать военных преступников и бандитов”. (“Дзенник”, 29 мая)
- “На сегодняшний день в Афганистане служат 14 польских спецназовцев из военной жандармерии, в Ираке — 23, в Боснии — 30. В Ираке они обеспечивают безопасность польских военных баз, в Боснии — охраняют при перевозках военную технику, а также инспектируют склады оружия и боеприпасов. В конце июня 101 жандарм отправится в Конго (...) чтобы обеспечивать там безопасность во время первых за последние 40 лет свободных парламентских и президентских выборов, а также охранять командование миссии (...) В случае беспорядков они должны пресекать их. В случае гражданской войны их задачей будет эвакуировать международный персонал, в т.ч. наблюдателей ООН и ЕС”. (“Изабела Лещинская, “Дзенник” 7 июня)
- “В ходе военных миссий за пределами Польши ранения получили уже более 700 военнослужащих. 70 из них были ранены в Ираке, в т.ч. 45 — тяжело. После возвращения домой им пришлось вести еще один бой — за возмещение вреда при повреждении здоровья. Теперь они требуют права на бесплатные лекарства”. (“Дзенник”, 27-28 мая)
- Согласно исследованиям ГфК “Полония”, “в прошлом году покупательная способность польского общества выросла на целых 10% (...) Больше всего на покупки и услуги тратят жители Варшавы — на 58% больше, чем в среднем по стране (...) Беднее всех гмины Коваль, Целёндз и Сырокомля в Люблинском воеводстве. Живущие там люди тратят в два раза меньше, чем среднестатистический поляк”. (“Дзенник”, 9 июня)
- “Каждая четвертая полька зарабатывает больше, чем ее партнер. Каждый двадцатый поляк сидит дома и нянчит детей. Уже второе поколение польских женщин образованно лучше мужчин: женщины чаще получают степень магистра (...) Польки пытаются преодолевать стереотипы, связанные с их полом, все более охотно выбирая учебу на экономических (в три раза чаще, чем 30 лет назад) и технических (в четыре раза чаще) направлениях (...) Смена ролей в современной семье идет без особых проблем до тех пор, пока жена не начинает зарабатывать больше мужа. Он переносит такое положение исключительно тяжело”. (Мартина Бунда, “Политика”, 10 июня)
- Согласно опросу ЦИОМа, “более половины поляков (57%) заявляют, что у них есть расчетный счет в банке (...) 52% опрошенных считают, что на протяжении последних 16 лет банки

способствовали развитию польской экономики (...) В том, что деньги, положенные в банк, находятся в безопасности, убеждены почти три четверти поляков (74%) (...) Каждый второй считает, что польские банки хорошо управляются”. (“Политика”, 10 июня)

- “Специалисты Института изучения рыночной экономики (ИИРЭ) утверждают, что польские потребители не обременены долгами сверх меры (...) Чрезмерно обременены долгами (т.е. испытывают проблемы с погашением кредитов) около 290 тыс. человек. Несмотря на оптимистические данные, специалисты института считают, что необходим закон о потребительском банкротстве. „Отсутствие решений по этому вопросу может привести к общественной изоляции тех, кто не в состоянии выбраться из долговой ловушки”, — подчеркнул зам. директора ИИРЭ проф. Лешек Павловя. По его мнению, общество спокойно относится к списанию долгов честных должников, которые попали в долги не по своей вине”. (“Дзенник”, 2 июня) Никита, м.б. лучше Павловья?

- “В прошлом квартале биржевые фирмы заработали 6 млрд. злотых, т.е. почти на 14% больше, чем в тот же период прошлого года. Судя по прогнозам, их показатели будут еще лучше (...) Это свидетельствует о хорошем состоянии польской экономики”. (“Жечпосполита”, 19 мая)

- “Согласно отчету Всемирного банка, в 2005 г. польский ВВП вырос лишь на 3,4%. По мнению аналитиков ВБ, это значительно ниже ожиданий рынка. По этому показателю Польша заняла последнее место среди новых стран-членов ЕС. Однако экономика ускоряется, и эксперты предсказывают, что в этом году нас ждет дальнейшее оживление”. (“Дзенник”, 31 мая)

- “По мнению председателя Общества пекарей РП Леха Ендрыки, „в течение нескольких лет могут обанкротиться 30–40% самых маленьких пекарен (...)”. За последние девять лет потребление хлебобулочных изделий сократилось в Польше на 20% (...) По разным оценкам, теневой сектор в хлебобулочной промышленности достигает 30%. Хлеб пекут в гаражах и хозяйственных постройках, а его качество оставляет желать лучшего. Однако многие покупают его, так как это дешево (...) Уже несколько лет пекарням приходится конкурировать с торговыми сетями. „По меньшей мере 12% хлебобулочных изделий продают гипермаркеты (...) Хлеб там дешевый. К сожалению, часто низкая цена оборачивается плохим качеством”, — говорит [директор Института “Польская выпечка”] Гжегож Новаковский. Более доходным, чем хлебопечение, становится производство тортов,

пирожных и сладких булочек”. (Беата Древновская, “Жечпосполита”, 2 июня)

- “По данным министерства труда и социальной политики, в мае уровень безработицы в Польше составил 16,5%. По сравнению с апрелем он снизился на 0,7% (...) Это лучший показатель за последние три года. С начала года число безработных уменьшилось на 188,5 тыс., т.е. на 6,8%”. (“Жечпосполита”, 7 июня)

- “Уже почти 700 тыс. молодых поляков выехали за границу из-за невозможности найти работу на родине (...) В 2003 г. уровень безработицы составлял 19,1%, в 2005-м — 17,6%, а в конце этого года, по прогнозам министерства труда и социальной политики, он составит 16,9% (...) В настоящий момент в центрах занятости зарегистрированы 2,7 млн. человек (...) По некоторым оценкам, целых полтора миллиона безработных на самом деле работают нелегально. Легальная работа, за которую они будут получать на руки меньше, чем сейчас, их не слишком интересует. Статус безработных нужен им, чтобы лечиться”. (“Политика”, 27 мая)

- Согласно последнему отчету британского МВД об использовании иностранной рабочей силы, по сравнению с британцами поляки отличаются “более высокой мотивацией, надежностью и преданностью работе”. Эмигранты из Восточной Европы “охотно соглашались на более продолжительный рабочий день, а работают более эффективно”. В час они зарабатывают 5–6 фунтов. Восемью из десяти приезжающих в Великобританию поляков меньше 32 лет. 97% из них работают на полную ставку. (Мартин Дубинец, “Дзенник”, 30 мая)

- “Гражданская служба, т.е. корпус высококвалифицированных аполитичных служащих, лояльных государству, а не правящим партиям, должна была стать одной из основ нашей демократии (...) В этом году число желающих получить статус чиновника гражданской службы резко упало [в два раза по сравнению с прошлым годом], так как люди видят, что путь к карьере лежит через политические салоны, а не через трудные экзамены”. (Кшиштоф Собчак, “Жечпосполита”, 5 июня)

- “Центральное следственное управление (ЦСУ) задержало нескольких высокопоставленных чиновников министерства финансов (в т.ч. двух бывших директоров департаментов) и начальника одного из налоговых управлений. Они обвиняются в получении взяток за невзимание налогов и неформальные финансовые консультации”. (“Тыгодник повшехный”, 28 мая)

• “Коррупция — это бич Польши. Особенно страдают от нее предприниматели (...) Новым оружием государства должно стать Центральное антикоррупционное управление (ЦАУ). “Однако закон о ЦАУ (...) лишь усугубит проблему, — предостерегает от имени предпринимателей председатель Business Center Club Марек Голишевский. — Если государственная власть не доверяет полиции, прокуратуре, пограничной охране, таможенной службе, налоговым структурам, Центральному следственному управлению, Агентству внутренней безопасности и Высшей контрольной палате, то пусть она (...) ликвидирует эти институты и создаст новые контрольные структуры (...) Включая ЦАУ в уже существующие структуры, власти создадут ужасный и совершенно ненужный хаос (...) Закон говорит о компетенциях ЦАУ лишь в общих чертах, не уточняя, какие действия и в каком объеме оно должно предпринимать (...) Законопроект предусматривает предоставление сотрудникам ЦАУ полномочий, которые вторгаются в сферу гарантируемых конституцией свобод и гражданских прав (...) Удивление и сомнение вызывает право ЦАУ распоряжаться (...) персональными данными граждан (...) касающимися расы, политических взглядов, вероисповедания, сексуальной ориентации и т.п.”. (“Ньюсуик-Польша”, 11 июня)

• “По данным Всемирного банка, в среднем судебное разбирательство длится в Польше почти 1000 дней. Это в двадцать раз дольше, чем в Голландии, и в пять раз дольше, чем в Германии (...) Вчера отчет ВБ был передан министру юстиции Збигневу Зеб्रो. „Все замечания банка будут приняты во внимание. Мы планируем существенно изменить экономическое законодательство”, — заверил министр”. (Лешек Костшевский, “Газета wyborcza”, 1 июня)

• “Ни президент, ни премьер, ни маршал Сейма не явились вчера на торжества в честь 20-летия Конституционного суда. Суд навлек на себя гнев „Права и справедливости” (ПиС), признав неконституционными несколько положений дополнения к закону о Всепольском совете по телевидению и радиовещанию, а также закона о юридических профессиях. Оба закона были любимыми детищами правящей партии”. (“Газета wyborcza”, 30 мая)

• “Папа Бенедикт XVI встретился вчера с судьями Конституционного суда. Папа поблагодарил их за „созидание пространства свободы и справедливости” (...) Незадолго до встречи нунций [архиепископ Юзеф Ковальчик] поблагодарил судей за „укрепление авторитета правового государства””. (“Газета wyborcza”, 27-28 мая)

- Согласно опросу ЦИОМа, в начале июня за “Гражданскую платформу” (ГП) проголосовал бы 31% избирателей, за ПиС — 26%, за “Самооборону” и Союз демократических левых сил (СДЛС) — по 7%, за “Лигу польских семей” (ЛПС) и аграрную партию ПСЛ — по 3%. Избирательный барьер составляет 5%. В голосовании намеревались участвовать 48% взрослых поляков. (“Жечпосполита”, 10–11 июня)

- Председатель Конституционного суда проф. Марек Сафьян: “В ходе преобразований, начавшихся после 1989 г., нам так и не удалось убедить общество, что теперь мы живем в собственном государстве, о котором надо заботиться, за которое мы несем ответственность (...) Вероятно, это результат ошибок, допущенных в начале 90-х. Я и сам себя виню, поскольку тогда я был убежден, что достаточно создать сильные демократические институты и механизмы — и действительность изменится чуть ли не в один день. Между тем это долгий процесс, в ходе которого нужно воздействовать на человеческое сознание и показывать выгоды демократии (...) Спор о том, может ли существовать в Польше либеральная демократия — это по сути дела спор об активности гражданского общества. Невозможно построить демократию, если общество будет пассивно”. (“Политика”, 3 июня)

- “История армян в Польше насчитывает уже почти 700 лет (...) Начавшаяся в Средние века миграция армян закончилась лишь в период утраты Польшей независимости. Спустя двести лет, в последнее десятилетие XX века, мы вновь стали свидетелями массового наплыва в нашу страну армянского населения (...) По разным оценкам, число армян, приехавших в Польшу в этот период, составляет от 50 до 100 тыс. человек. Одним из аспектов столь мощной волны миграции стали напряженные отношения между приезжими и поляками (...) Конфликты, никогда не выходившие за пределы локальных сообществ, как правило возникали на почве экономической конкуренции. Однако за последние несколько лет не было отмечено ни одного конфликта, сторонами которого были бы армяне и поляки. Затухание конфликтов связано как с интеграцией армян в польское общество, так и с большей терпимостью обеих сторон друг к другу”. (Павел Нечуя-Островский, “Бунт молодых духом”, март–апрель)

- “Польские татары празднуют 80-летие Мусульманского религиозного объединения. На юбилейные торжества прибыли представители исламских государств со всего мира (...) Мусульманское религиозное объединение было основано в Вильне в 1925 году. Почетным покровителем юбилея стал маршал Сейма

Марек Юрек. 8 июня в Сейме откроется выставка „Мусульмане Речи Посполитой””. („Жечпосполита”, 3-4 июня)

- “Впервые за последние полвека в Варшаве проходит конференция раввинов (...) 25 раввинов — прежде всего из Центральной Европы (Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Германии), а также из Великобритании, скандинавских стран и Израиля — собрались на конференцию в синагоге Ножиков”. („Жечпосполита”, 22 мая)

- “В парке между Дворцом культуры и Свентокшиской улицей открылся памятник великому педагогу и писателю Янушу Корчаку (...) Место установки памятника неслучайно: до войны здесь проходила Слиская улица, где находилось здание, ставшее последним пристанищем „Дома сирот” Старого Доктора, как называли Корчака его воспитанники. Отсюда в августе 1942 г. он отправился со своими детьми на Умшлагплац, откуда все они были отправлены в газовые камеры Треблинки (...) На открытии памятника присутствовали не только президент Польши Лех Качинский и и.о. президента [мэра] Варшавы Мирослав Кохальский, но и более сотни детей из школ имени Корчака со всей Польши”. (Кшиштоф Махоцкий, „Жечпосполита”, 2 июня)

- “В субботу вечером в центре Варшавы главный раввин Польши Михаэль Шудрих подвергся нападению с применением газового баллончика. Нападавшего ищет вся варшавская полиция”. („Жечпосполита”, 29 мая)

- Председатель еврейской религиозной общины Варшавы Петр Кадлицик: “Не думаю, чтобы это была антиеврейская провокация. Скорее всего, это просто хулиганская выходка. Это сделал человек, который чувствует, что польское общество допускает подобные вещи. На протяжении последних десяти дней члены нашей общины получали эсэмэски с угрозами. К счастью, этим делом всерьез занялись правоохранные органы”. („Жиче Варшавы”, 29 мая)

- Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше: “Когда-то в Варшаве жило 420 тыс. евреев и было много синагог. Теперь здесь живет всего тысяча евреев, у которых есть одна синагога и один раввин. И тем не менее кто-то на него напал”. („Дзенник”, 29 мая)

- “В понедельник Михаэля Шудриха пригласил в Президентский дворец Лех Качинский. „Президент осудил любые проявления антисемитизма и заверил, что обратится к министру внутренних дел Людвигу Дорну с просьбой взять под контроль места, важные для лиц еврейской национальности”, — сказал

статс-секретарь Канцелярии президента Мацей Лопинский (...) „Я решил создать при криминальном отделе постоянную группу по выявлению опасностей, грозящих национальным и религиозным меньшинствам”, — заявил главный комиссар полиции Марек Беньковский”. („Дзенник”, 30 мая)

- “В Польше пропаганда антисемитизма остается безнаказанной. Прокуроры регулярно отказываются возбуждать дела по статьям 256 и 257 УК, что на практике сделало эти статьи мертвыми. Такой тезис ставит общество „Открытая Речь Посполитая” в докладе „Факт преступления не установлен. Отношение прокуроров к сообщениям об антисемитских публикациях”. В докладе анализируются четыре решения прокуроров отказать в возбуждении уголовного дела или прекратить дело в отношении лиц, пропагандирующих антисемитские взгляды и распространяющих литературу, оскорбительную для евреев, а также призывающую к ненависти в отношении евреев. Авторы брошюры упоминают (уже без подробного анализа) еще о нескольких подобных решениях. С другой стороны, им так и не удалось обнаружить ни одного случая предъявления обвинений на основании статей 256 и 257 УК”. (Анджей Качинский, „Жечпосполита”, 1 июня)

- “До вчерашнего вечера в разных частях Польши были задержаны четыре человека, сотрудничающих с организацией „Кровь и честь”, которая на своем интернет-сайте разместила данные лиц из левых, антифашистских и антирасистских кругов (...) Несколько дней назад в варшавском районе Повисле был избит и ранен ножом активист анархистского движения, чьи данные тоже были на этом сайте. Сайт все еще работает. Он размещен на сервере в США. Польский МИД уже обратился к американским властям с просьбой заблокировать его”. („Газета wyborча”, 1 июня)

- “Полиция задержала 37-летнего Анджея П., модератора польского сайта „Redwatch”, на котором были размещены данные антифашиста, получившего ножевое ранение (...) Прокуратура (...) предъявила ему обвинение в редактировании сайта „Redwatch”, в призывах к насилию и ненависти на расовой, религиозной и мировоззренческой почве, а также в нарушении закона о защите персональных данных”. („Жечпосполита”, 2 июня)

- “Продолжается операция, направленная против неофашистских кругов. В следственный изолятор попал еще один создатель шовинистического сайта „Redwatch”. Полиция намерена продолжать аресты. Вчера она задержала 21-летнего студента политологии Бартоша Б. по подозрению в редактировании интернет-сайта „Redwatch””. („Жечпосполита”, 6 июня)

- “Двое бывших сотрудников Службы безопасности Ян Д. и Мирослав Т. приговорены к двум годам и восьми месяцам лишения свободы каждый. ИНП обвинил их в том, что в 1981–1985 гг. они применяли физические и психические пытки к членам местной „Солидарности”, а также угрожали им смертью”. (“Дзенник”, 2 июня)
- “Сегодня бывший капеллан новогутской „Солидарности” свящ. Тадеуш Исакович-Залеский представит общественному мнению сведения о секретных сотрудниках [коммунистических] спецслужб среди краковского духовенства и объявит имена 28 агентов. Краковская курия предостерегла его от такого шага (...) Председатель ИНП Януш Куртыка назвал (...) действия свящ. Исаковича законными (...) „Ни один священник не имеет полномочий публиковать сведения из архивов ИНП”, — говорится в специальном коммюнике Краковской митрополичьей курии”. (“Жечпосполита”, 31 мая)
- “Священник, который хотел на специальной пресс-конференции объявить имена агентов госбезопасности, не может ни говорить о них, ни даже изучать проблему внедрения агентов в церковную среду во времена ПНР. Делать это ему запретил краковский митрополит. Кардинал Станислав Дзивиш не встретился с о. Залеским лично. Решение митрополита вручил священнику в письменном виде канцлер курии Петр Майер за три часа до начала пресс-конференции. „Я принимаю это решение в духе послушания митрополиту, к которому я всегда испытывал и продолжаю испытывать глубокое почтение”, — сказал журналистам (...) о. Тадеуш Исакович-Залеский”. (“Жечпосполита”, 1 июня)
- Стефан Братковский: “Решение кардинала Дзивиша защищает не сутану, а честный путь познания правды”. (“Жечпосполита”, 3–4 июня)
- “К концу 1982 г. у органов госбезопасности было почти шесть тысяч секретных сотрудников из числа людей Церкви. Об этом свидетельствует найденная нами ведомость, составленная 31 декабря 1982 г. в министерстве внутренних дел. Таблица очень подробна. В ней отмечено, сколько священников, монахов, викариев, студентов и преподавателей католических учебных заведений сотрудничало с госбезопасностью. Есть в ней и данные по каждому воеводству”. (Томаш Буткевич, “Дзенник”, 31 мая)
- “Суд пришел к заключению, что на ИНП распространяется действие закона о защите персональных данных. Теперь главный инспектор по защите персональных данных может за-

крыть доступ к каталогам имен предполагаемых агентов и сотрудников госбезопасности лицам, не работающим в ИНП". ("Газета wyborcza", 31 мая)

• "Два крупнейших медиа-концернов — „Агора” и „Аксель Шпрингер” — сошлись в газетном бою. Поединок „Газеты wyborczej” с „Дзенником” — это нечто большее, чем просто рыночная игра. „Газета wyborcza” никогда не скрывала своего чувства миссии. „Дзенник” заявляет, что хочет нарушить ее монополию на формирование общественного мнения (...) „Дзенник” стремится лишить „Газету wyborczą” статуса единственного толкователя действительности и властителя дум, в т.ч. и интеллигентских. Его сотрудники подчеркивают, что в появлении крупной консервативной газеты в консервативном обществе нет ничего странного". (Агнешка Рыбак, "Политика", 10 июня)

• "Эксперименты на животных весьма дорогостоящи. Крыса из хорошей лаборатории стоит около 100 злотых. В Польше, как и во всем Евросоюзе, нельзя ставить опыты на бездомных животных. Животных для экспериментов нужно разводить в специальных питомниках. На одном животном можно провести только один эксперимент (...) „Раньше мне казалось, что на смену методов повлияет нравственный фактор, но теперь я вижу, что самое большое влияние оказывает экономика”, — говорит Дариуш Слядовский из Варшавской медицинской академии, который уже больше 15 лет занимается разработкой альтернативных исследовательских методов, способных прийти на смену экспериментам на животных (...) В прошлом году в Польше для экспериментов было использовано 420 тыс. животных. Право вести подобные исследования имеют по меньшей мере 90 научных институтов (...) Чаще всего в Польше используются мыши и птицы, однако ученым случалось проводить эксперименты также на овцах (6982), лошадях и ослах (894), собаках (285) и кошках (98)". (Александра Бялый, "Жечпосполита", 31 мая)

• "Польский союз голубеводов насчитывает более 43 тыс. членов (...) У голубеводов есть свой капеллан (разумеется, тоже голубевод) о. Юзеф Жилка, а также ежегодный съезд — престольный праздник на Горе святой Анны, куда они съезжаются со 180 хоругвями со всех отделений и округов. Как правило, на хоругвях изображен св. Франциск, покровительствующий четырем миллионам польских почтовых голубей". (Барбара Петкевич, "Политика", 3 июня)

НАД-ВРЕМЕНЕМ-И-МЕСТОМ

Юлия Хартвиг принадлежит к самым известным польским поэтам XX века. Ныне она представляет старшее поколение польской поэзии. Хартвиг — лауреат многих международных премий в области литературы. Кроме нескольких десятков поэтических сборников ей принадлежит первая польская монография о Гийоме Аполлинере, а также антология американской поэзии, которую она составила вместе со своим мужем, известным поэтом Артуром Мендзыжецким.

Немало времени она провела за границей — во Франции и США, что внесло в ее творчество множество интересных тем.

Ей 84 года. Но, как всякий настоящий творческий человек, она полна огромного интереса к жизни и проницательна по отношению к окружающим. Ее жизнелюбие и неистребимая вера в силу духа и доброе начало в человеке отражаются и в ее поэзии, и в ее отношении к окружающему миру.

— Когда-то один из польских литературных критиков назвал вас поэтессой, которая принимает мир таким, каков он есть... Вы действительно удовлетворены этим миром?

— Я исхожу из того, что прекрасно само существование, факт, что мы есть на этом свете. Что у нас есть возможность чувствовать, видеть, слышать, делать собственные открытия. Но это не означает, что я мирюсь со злом. Против проявлений зла я протестую, и это можно увидеть в моей поэзии. Правда, я стараюсь никогда не обличать — я понимаю, что человеческая натура очень сложна. В ней всегда кроется множество противоречий. Мы и соглашаемся с окружающим миром, и сражаемся против него. Мне кажется, что поэзия и в целом литература отражают столкновение этих двух сил. Существует множество причин, которые заставляют человека писать. Когда мы молоды — мы сконцентрированы в основном на своей внутренней жизни, на себе. Мы пишем о любви, о своих размышлениях, горестях. Со временем, когда расширяется наше мировоззрение и мы приобретаем больше жизненного опыта, нас начинает тревожить окружающий мир. Нам хочется что-то сделать, чтобы его изменить. Для меня, к примеру, всегда было очень болезненно существование антисемитизма. Эта проблема существует во всем мире, в том числе и в Польше. Антисемитизм иррационален, поэтому с ним трудно бороться. Пожалуй, это один из видов того зла, который глубоко коренится в человеке и которому не-

льзя найти объяснение. Я знаю, что мир не так прекрасен, как бы мне и всем нам хотелось. В нас много печали: мы помним, что может произойти то, чего бы нам хотелось избежать, но чего избежать нельзя. К примеру, от нас уходят близкие люди. И мы вынуждены это принимать, даже если внутренне изо всех сил этому сопротивляемся... Но таков мир — и как оно есть, так и есть.

— Верите ли вы, что человек управляет своей судьбой?

— В это я верю. Безусловно, существуют вещи, против которых человек бессилён. Например, он ничего не может сделать для того, чтобы его любимый человек не умер. Но если говорить о решении человеком своей судьбы, я придерживаюсь оптимистического взгляда. Я убеждена, что человек способен себя формировать. И это самое важное. Мы не имеем права пренебрегать своими способностями и теми возможностями, которые встречаем на своем пути. Человек должен развиваться, для этого ему и дана жизнь. Нельзя, к примеру утверждать, что Чеслав Милош родился гениальным поэтом и не прикладывал к этому никаких усилий. Он постоянно чему-то учился и непрерывно работал. Он сам говорил о том, что не было такого дня, когда бы он не сидел несколько часов за письменным столом. Я убеждена, что без огромных усилий по осуществлению своих планов человек не может состояться как личность. И необязательно для этого становиться известным, главное — внутреннее ощущение своей ценности.

— Приносит ли вам радость написание стихотворения?

— Это вопрос, которым вы застали меня врасплох. Это трудно назвать радостью, скорее всего это осуществление внутренней потребности. Но, безусловно, это приносит чувство облегчения, и оно бывает радостным. Конечно, многое зависит от того, чему посвящено стихотворение. Хотя я убеждена, что даже когда пишешь о личных переживаниях, о боли — надо всегда сохранять определенную дистанцию. Можно также спрятать боль за иронией...

— Можно ли сказать, что ирония характерна для польской поэзии, особенно XX века?

— Да, в значительной степени. Для поэта ирония — своеобразная защита от реальности, а также средство художественного выражения. Так было и для польских поэтов, которые часто не могли говорить напрямую о том, что их беспокоило. Однако не всё можно выразить при помощи иронии. Иногда это становится бегством от трудной темы.

— **Отождествляете ли вы свое творчество с польской поэзией?**

— Я просто в ней существую. Всё, что близко моему сердцу, было создано польскими поэтами — от Яна Кохановского до Адама Мицкевича и Чеслава Милоша. Тот факт, что я жила в разных странах, занималась изучением и переводами американской и французской поэзии, безусловно, сыграл свою роль. Однако я воспринимаю поэзию как нечто целое, нечто над-временем-и-местом.

— **Для вас важна дружба с другими поэтами?**

— Очень важна. Я очень рада, когда нахожу общий язык с другими поэтами. У меня действительно много друзей среди поэтов, причем совершенно разного возраста. Первым поэтом, с которым я подружилась, была Анна Каменская. Мы ходили в одну и ту же школу и уже тогда писали стихи и обменивались своими поэтическими впечатлениями. Эта дружба длилась в течение очень долгого времени. Сегодня среди моих друзей-поэтов много представителей среднего поколения, то есть тех, кто значительно младше меня. Мне нравится с ними общаться. Они открыты для дискуссий, благодарны за внимание, и среди них много по-настоящему талантливых авторов.

— **Как к вам приходят идеи новых стихотворений?**

— Это бывает по-разному. Иногда какая-то тема, ощущение просто преследуют меня, но стихотворение не имеет своей формы, и я не знаю, как его закончить... Этот процесс может длиться месяцами или даже годами. А иногда под влиянием вдохновения я сажусь за стол и пишу стихотворение, которое не требует потом никаких исправлений. Все зависит от того, насколько осознанным и прочувствованным был тот импульс, который заставляет нас писать. Писатель или поэт часто стремится выразить свое отношение к тому, что происходит в современном мире. Это оказывается сложной задачей, особенно для поэтов. Немногим удалось говорить на темы современности языком высокой поэзии. Среди них были Адам Мицкевич, Норвид, Чеслав Милош.

— **У каждого поэта есть какая-то своя тайна... В чем вы черпаете вдохновение?**

— Для меня огромный интерес представляет живопись. Когда я куда-то еду, я обязательно интересуюсь живописью той страны или города. Картины для меня — дополнительный источник вдохновения. Очень сильный импульс. Многие мои стихотворения родились под впечатлением от увиденных образов или

моих ощущений, вызванных картинами, в том числе малоизвестных художников.

— На вас оказывает такое воздействие живопись определенного стиля или эпохи?

— Живопись разная. Я восприимчива ко многим стилям. К примеру, венецианская живопись, вообще итальянская, эпохи средневековья и современная. И американская живопись меня очень интересует. Когда в течение нескольких лет я жила в Америке, я ходила на лекции по живописи. Мне это очень помогло понять и почувствовать тенденции современной живописи. Когда я пишу стихотворения, я часто стараюсь “увидеть” мои образы.

— Можно ли сказать, что переводы французских поэтов, которыми вы так много занимались, оказали влияние на ваше творчество? Вашу поэзию часто называют образцом классической поэзии. Что для вас составляет главный принцип поэзии?

— Да, меня всегда интересовала эпоха Гийома Аполлинера и его окружение. Умение тех поэтов штрихами и образами показать мир в его прозрачной красоте или печали. В своем творчестве я тоже стремлюсь к тому, чтобы у читателя не возникало проблем с пониманием моей поэзии. Думаю, это очень важно — уметь выражать сложные вещи ясным и выразительным языком. В этом и заключается магия поэзии. Некоторые свои стихотворения я могла закончить только спустя несколько лет после их написания. И то, что я находила нужные слова для завершения рожденного мной образа или мысли, всегда приносило мне чувство огромного удовлетворения...

— Как вы оцениваете значение поэзии в современном мире?

— Ее значение уменьшилось. Сознать это болезненно. Люди вообще стали меньше читать. В истории были удивительные периоды — например, период польского романтизма или “великой эмиграции”, когда люди жадно читали стихотворения и поэмы Мицкевича и Словацкого, которые присылали им из-за границы. И для них это было жизненно важно. Сейчас другое время. Сегодня все пишут, все издают книги, у кого есть деньги. И мало кто читает. Однако говоря о поэзии, мы должны учитывать, что она всегда была для избранных.

— Как бы вы назвали нынешний период развития Польши?

— К сожалению, мы и сами признаём тот факт, что в Польше существует сегодня очень много несогласия. Говорят, что поляки лучше всего проявляют себя в кризисные моменты. Так была создана “Солидарность”. Или подобное происходило с поляками, когда приезжал Иоанн Павел II. Тогда мы были очень сплочены. Но сегодня разделение в польском обществе очень сильно. Появилась огромная разница между богатыми и бедными. С этим ничего не поделаешь, это принес капитализм. И тут я вижу определенное противоречие, поскольку в программе демократического строя заложено решение социальных вопросов, и в то же время мы пытаемся строить нашу экономику на основах капитализма. Невозможно предоставить всем равные социальные льготы в условиях свободного рынка. Поэтому мы просто вынуждены жить в условиях социального неравенства. В польском обществе, к сожалению, существуют также острые идеологические и политические разделения. Появляется все больше новых политических партий. И не утихают, а усиливаются исторические споры. Польша переживает сегодня сложный период. Однако существует множество и хороших черт, характеризующих наше общество. Польша известна в мире благодаря своей культуре, музыке, литературе, театру. Наше общество в области культуры развивается очень динамично, очень живо. Я считаю, что мы можем этим по праву гордиться.

— Вы уже знаете, о чем будет ваш следующий сборник стихотворений?

— Честно говоря, я бы хотела написать что-то совершенно новое. Наверное, поэтому за последние несколько месяцев я больше размышляю, чем пишу. Это сложное состояние для поэта. Иногда кажется: может быть, я уже никогда ничего не напишу? Но у меня уже были подобные периоды. Мне было необходимо время для того, чтобы родилась новая книга. Это случается со многими поэтами и писателями — так было, к примеру, и с Виславой Шимборской, когда она не ничего не написала в течение нескольких лет, а потом выпустила сразу несколько книг. Мне бы хотелось внести в мою поэзию какую-то свежую струю. Поэтому я пока не спешу. У меня никогда не было ощущения, что я должна что-то издать. Важно, чтобы пришел нужный момент.

Беседу вела Виктория Дунаева

Конкурс "НП" - Рецензия и полемика

написать в редакцию

НАШ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Нередко раздаются сетования, что, мол, нет у нас людей, способных служить образцом. Я всегда это выслушивала довольно скептически, особенно когда еще были живы такие люди как о. Юзеф Тишнер или Ежи Турович. Думаю, в каждом сообществе есть такие люди или хотя бы один человек, который пользуется всеобщим уважением и при котором любой постыдится совершать недостойные поступки. У писателей таким несомненно был Ян Юзеф Щепанский. Но если б ему сказать это в глаза, ему бы это наверное не понравилось: одной из вещей, которых он особенно не выносил, была лесть.

Продолжительная болезнь и связанная с ней изоляция от внешнего мира привели к тому, что Янек ушел как-то незаметно — по крайней мере для нас тут, в Варшаве, — как он, вероятно, и желал. Тем не менее все мы знаем, что его уходу предшествовали долгие месяцы болезни, все более мучительной и нещадной.

Нам не надо было дожидаться кончины Щепанского, чтобы понять, кто он. Как получается, что человек настолько скромный и на вид “обычный” — каким он всегда хотел казаться — заслужил такое уважение, сопровождавшееся такими сильными чувствами доброжелательности, доверия и дружбы? Он же никогда их не добивался — напротив, был сдержан в проявлении чувств и даже иногда резковат, но на зло, несправедливость и чужую беду реагировал немедленно и без колебаний. В некрологах, появившихся за последние два дня в печати, рефреном повторяются слова его друзей: кристально чистый человек, человек чистый и нестигаемый, один из самых умных и благородных писателей своего поколения. Секрет обаяния личности Яна Юзефа Щепанского следует искать и в его характере, и в его биографии, и в его творчестве.

Я знала Янека много лет — он дружил с Артуром [Мендзыжецким] и неоднократно бывал у нас дома во время своих коротких наездов в Варшаву. Долгое время мы сотрудничали с ним и в общественной деятельности: он был членом комитета “Солидарности” при Лехе Валенсе, членом правления ПЕН-клуба и председателем Союза польских писателей в течение двух, почти трех сроков, если включить сюда период военного положения, когда председателю вместе с президиумом пришлось работать нелегально: тогда вместо распущенного Союза писателей под

тем же, незаконно заграбастанным названием был создан союз, собравший литераторов, послушных партии и законам военного положения. В этот союз не вошли писатели, которые сочувствовали “Солидарности” и защищали идею независимости и права на самоопределение, притом писатели самые крупные — от Херберта и Шимборской до Стрыйковского, Лема и Киёвского. Все перипетии борьбы за дальнейшее существование Союза писателей, основанного еще Стефаном Жеромским и гордившегося своими традициями, Ян Юзеф Щепанский описал в знаменитой книге “Срок полномочий”, где он говорит и о нажиме партийных органов, и об интригах и обмане, с которыми ему пришлось столкнуться. Для такого человека, как он, всю жизнь хранившего верность идеалам Джозефа Конрада, грязный характер игры, в которую его втягивали, был особенно отвратителен.

В 1989 г. члены бывшего Союза польских писателей, пережив период травли и разобщенности, решили основать новый, независимый союз — Объединение польских писателей. И тогда они вновь единогласно избрали своего прежнего председателя и правление в том же составе, что и до введения военного положения.

Ян Юзеф Щепанский был безусловно самым лучшим, самым популярным и уважаемым председателем за все послевоенные годы. С ним можно сравнить лишь Антония Слонимского, ставшего председателем Союза писателей после 1956 года, хотя эти два выдающихся человека были совершенно не похожи друг на друга по характеру. Во времена ПНР пост председателя Союза польских писателей, объединения, весьма сильно влиявшего на общественное мнение, пользовавшегося уважением в обществе и находившегося под бдительным наблюдением властей, был очень почетным. Однако в декабре 1980 г. Ян Юзеф Щепанский изо всех сил сопротивлялся этому почетному избранию. В конце концов ему все-таки пришлось уступить натиску коллег, причем больше всего поддерживали его кандидатуру писатели, активно участвовавшие в демократическом движении. Я очень хорошо помню то время, потому что вместе с Анджеем Ярецким, Казимежем Дзевановским, Анной Тшетяковской, Лешекком Пророком, Ежи Сито, Збигневом Кубиковским и еще некоторыми друзьями входила тогда в состав президиума.

Ян Юзеф, после избрания вынужденный постоянно ездить в Варшаву из Кракова, где он жил, исполнял свои обязанности с образцовой добросовестностью, но я никогда не забуду, как на бесконечно затягивавшихся заседаниях президиума он на гла-

зах “увядал”, до предела заскучав и устав. Он не любил собранный, не любил бесконечной пустой болтовни, но был не в силах установить более строгий регламент. Зато, когда надо было действовать, он обретал всю свою энергию. Это были героические времена “Солидарности”, с которой СПП заключил отдельный договор о сотрудничестве (что и стало основной причиной его роспуска), период деклараций и резолюций, которые нам приходилось составлять спешно, прямо на заседании. Мы охотно поручали эту работу председателю, он делал ее быстро и хорошо. До сих пор помню, как он сначала раскуривал трубку, потом брал ручку и через несколько минут клал на стол исписанный мелким красивым почерком текст без единой помарки и, как правило, не требовавший никаких поправок. Мне бы хотелось когда-нибудь увидеть рукописи его романов и эссе, чтобы проверить, возникали ли они вот так же, одним махом.

Во время военного положения, невзирая на решение властей о роспуске Союза писателей, президиум продолжал собираться — в комнатухе, где наш председатель останавливался в Варшаве. Она располагалась близ Рыночной площади Старого города, и мы встречались там по мере необходимости, соблюдая определенные предосторожности, так как при военном положении любые собрания были запрещены. Все это время Щепанский поддерживал связь с отделениями СПП по всей Польше, президиум также координировал благотворительную деятельность наших пастырей и сотрудничал с Примасовским комитетом помощи заключенным и их семьям — там работало несколько человек из нашего союза. Не прекратились и наши контакты с правлением “усыпленного” ПЕН-клуба [Польский ПЕН-клуб не был распущен, но деятельность его, как и всех объединений, была запрещена — однако, разумеется, продолжалась. — Ред.] и [подпольным] Координационным комитетом творческих союзов и научных обществ. Наши встречи у председателя, где всем приходилось сидеть на чем попало: на колченогих стульях, на кровати, скорее похожей на нары, — уже принадлежат истории нашего писательского братства, истории, которую после книги “Срок полномочий” никто не пополнил, хотя вспомнить было что — взять хотя бы наши тайные заседания в монастыре бенедиктинцев в Тынце. Вся эта деятельность, скромная, но отнюдь не бесполезная, наверное, сильно хромала бы, если бы ею не руководил Ян Юзеф Щепанский. Наши встречи близ Рыночной площади закончились довольно неожиданным образом. Как-то поздно вечером, когда Лешек Пророк, как обычно, встретил на вокзале Щепанского и они вместе уже поднялись в квартиру, дверь оказалась опечатанной. Назначенный в Дом литературы комиссар проявил похвальную бдительность. Ще-

панский переночевал у Лешека дома, но место собраний пропало, и надо было устраиваться иначе.

С того момента, как Ян Юзеф Щепанский в 1990 г. покинул пост председателя (в 1993-м ему единогласно было присвоено звание почетного председателя) — эта должность начала терять свой блеск, что, вероятно, связано с падением авторитета писателей в обществе. Но так как мы не единственный творческий союз, который отошел в тень, то можно предположить, что сейчас наступил период усталости от традиционных форм общественных объединений, — время покажет, так ли это.

Конечно, Ян Юзеф Щепанский войдет в историю не как председатель Союза (позднее — Объединения) польских писателей, а как автор красочных репортажей о путешествиях, прозаик, издавший “Польскую осень”, “Ботинки”, сборник эссе “Перед неизвестным трибуналом”. Память о нем будет поддерживать его яркий жизненный путь, его партизанское прошлое и деятельность в демократической оппозиции времен ПНР. Сохранится, надеюсь, и память о его человеческих достоинствах: мужестве, стойкости и редкой скромности. Но я буду помнить Яна Юзефа Щепанского еще и таким близким нам Янеком, у которого всегда была в запасе какая-нибудь анекдотическая история, чтобы рассказать за ужином, который любил и других послушать, и сам поговорить. И который, пережив и военные испытания, и опасности морских экспедиций, по-прежнему — может, несколько старомодно, а может, по-конрадовски романтично — больше всего на свете ценил верность и мужскую дружбу.

Перевод Елены Шиманской

Конкурс "НП" - Рецензия и полемика

написать в редакцию

ЖИЗНЬ НА ОБОЧИНЕ

В результате перемен, произошедших в России: падения монархии, прихода к власти большевиков, несколько лет тянувшейся гражданской войны — страну на рубеже 1920-х покинуло несколько миллионов человек, в большинстве своем русских. Русская эмиграция была в высшей степени разнородной (чтобы не сказать разделенной): разными были время, направления и способы ухода из России, материальное положение, решимость и, может быть, главное — политическая ориентация. Объединяли эмигрантов нежелание жить под властью большевиков и надежда на политические перемены.

Русские беженцы оказались во многих странах; эмигрантские авторы, поставившие себе целью показать размах и масштабы рассеяния, нередко упоминали о существовании русских колоний в Северной Африке, Южной Америке, Японии. Однако подавляющее большинство эмигрантов осело в Европе. Трудно привести точные данные о численности русских общин в разных странах: добросовестной оценке мешают частые перемещения беженцев, трудности с исчислением “местных” русских, живших в данной стране до 1914 г., наконец, не всегда доброжелательное отношение властей, стремившихся занизить число эмигрантов в своей стране.

Особенно много споров вызывали попытки исчислить русских беженцев в Польше: многие эмигранты придерживались доктрины “триединства”, согласно которой белорусов и украинцев следует рассматривать как “русские племена”; нередко русскими считали также всех православных. Все это породило своеобразный, не подтвержденный никакими доказательствами “миф о шести миллионах”, имевший хождение у эмигрантских авторов вплоть до 1970-х (см. напр. такой серьезный труд, как “Зарубежная Россия” П.Е.Ковалевского). Опровержение тезиса о шести миллионах русских эмигрантов в Польше эмигрантские деятели считали одним из главных доказательств “польской русофобии”^[1]. Польские политики и публицисты склонны были к противоположному подходу: они занижали численность русского населения; о том, что это делалось хотя бы в некоторой степени злонамеренно, свидетельствует факт легкого отхода с этих позиций, как только это диктовала политическая конъюнктура^[2]. Выводя средние данные из того, что публиковалось в статистических ежегодниках и приводилось в

докладных записках администрации и спецслужб, можно все-таки принять, что Польша относилась к странам с довольно большой общиной русских беженцев, составлявшей несколько десятков тысяч человек. Тем не менее история русской эмиграции в Польше — у нас в стране тема почти неизвестная либо в лучшем случае “экзотическая” в дурном значении этого слова.

Это случилось не только с польской историографией или польским общественным сознанием. История “белых” эмигрантов и, может быть, особенно их первой послереволюционной волны, мало в какой стране дождалась подробного рассмотрения. Даже там, где сохранились архивы, а историки надлежащим образом их использовали, это в малой степени отразилось на коллективном сознании, неизменно недоброжелательном к эмигрантам и склонном видеть их в карикатурном упрощении. Мало кто описал это явление с такой проницательностью и сарказмом, как Владимир Набоков в романе “Пнин”^[3].

Однако польская память, включая как “профессиональную”, так и коллективную “обиходную”, в отношении русских эмигрантов выглядит особенно неверной. Среди многочисленных причин на это больше всего повлиял, вероятно, цензурный запрет, наложенный на эту тему в ПНР и действовавший больше полувека, а также крайне плохая сохранность архивов.

Эти замалчивания и упрощения было бы, однако, слишком легко оправдывать, когда в польской словесности речь заходит о “белой эмиграции”. В межвоенной Польше об “ограничении открытых высказываний”, накладываемом прежде всего самоцензурой, мы можем говорить, имея в виду скорее самих эмигрантов, нежели поляков. В Польше после 1989 г. об ограничениях свободы исследований говорить невозможно. Тем не менее изучение этой темы до сих пор сводится в основном к эксплуатации самых упрощенных стереотипов. Например, одна серьезная газета, упоминая о “Русском доме” — одном из важнейших культурных и политических учреждений русской Варшавы, — писала что здесь “в межвоенные времена (...) белые эмигранты основали клуб. (...) Они роняли слезы под цыганские песни (...) пили польскую водку и играли в русскую рулетку”. И это далеко не единственный случай обращения к исключительно карикатурному стереотипу “эмигрантов, мурлычущих цыганские романсы”. Можно найти красноречивое высказывание Ксаверия Прушинского (явно ничего не знавшего о стремлении части русских эмигрантских деятелей в Польше обращаться к наследию польской “великой эмиграции” и черпать из нее образцы), который противопоставлял “величие” польской эмиграции и

“мелкость” русской, причем так, что вышеприведенный сарказм Набокова попадает в самую точку^[4].

Самая очевидная причина такого пренебрежения — предрассудки, унаследованные от времен российского владычества. Эти предрассудки одновременно стали в межвоенной Польше элементом своеобразной обратной связи: память о былых обидах не способствовала установлению контактов с “белой эмиграцией”, а ничто так не порождает новых предубеждений и предрассудков, как невежество. Можно подумать и над тем, не представляли ли русские эмигранты (“белые”) “реликта прошлого”, мифологизированного польской национальной манией величия и полезного в качестве “живого примера” побежденного, униженного, еще недавно всемогущего врага-захватчика. Это была, пожалуй, не единственная причина: значительную роль сыграли цензурные соображения в послевоенные полвека или сохранившиеся мнения эмигрантов, обычно далеко не доброжелательных к Польше.

Бесспорным, однако, остается “отсутствие” или по крайней мере маргинализация русских эмигрантов в польской памяти. Это “отсутствие” тем более поразительно, что русская община в Польше была крайне интересна как сама по себе, так и по причине той особой напряженности, какую несомненно вызывало своеобразное польско-русское “столкновение”. Более того, представители этой общины несколько раз повлияли на крупные политические решения, направлявшие ход истории межвоенной Польши^[5]. Все эти эмигранты (употребим высокие слова) делили с населением Польши его судьбу. Если попробовать составить своеобразный “указатель к воспоминаниям” эмигрантов, то окажется, что они запомнили и блистательное возвращение Пилсудского из-под Киева в мае 1920 г., а двумя месяцами позже — хаотическую эвакуацию (К.Н.Николаев — Бахметевский архив), и жизнь в помещичьем имении (Е.В.Исакова — там же), и прелести “современного стиля жизни” в модном пансионате в Закопане (Ольга Тисаревская — там же). В памяти эмигрантов нашлось место описанию нужды на восточных окраинах и назревающего бунта (М.А.Моисеев. Былое. Сан-Франциско, 1980), бомбежкам Варшавы в сентябре 1939 г., а после них, во время оккупации, наступившей “малой стабилизации” с растущим безразличием к судьбе тех, кому приходилось хуже (А.К.Свитыч — Бахметевский архив). Есть в русской эмиграции своя легенда, подобная легендарной смерти Виткация: в воспоминаниях Свитыча и Моисеева говорится о самоубийстве капитана Николая Ивановича Дроздовского при известии о вторжении Красной Армии в пределы Польши.

Надеюсь, что описание русской эмиграции на польских землях может оказаться полезным тем, кто заинтересован межнациональными отношениями во Второй Речи Посполитой, историей антикоммунистической мысли или социальной динамикой “нацменьшинств”. Среди причин, которые склонили меня заняться “белой эмиграцией”, главную роль все-таки сыграло недовольство “отсутствием” русских эмигрантов, одной из групп населения межвоенной Польши, в сегодняшней памяти.

Большинство исследователей, занимавшихся до сих пор вопросом беженцев, не придавало достаточного значения тому факту, что условия жизни русской общины в Польше были исключительно сложными — прежде всего потому, что значительная часть русских “беженцев” уже жила на польских землях до 1914–1915 гг. и оставила их, уходя вглубь своей страны — России — от наступающих немецких войск. Когда несколько лет спустя они возвращались на берега Вилии, Буга или Вислы, то не оказывались там — как на берегах Рейна или Сены — нейтральными “экзотическими” пришельцами, к которым окружающие испытывали сострадание, доброжелательность, любопытство или, в худшем случае, равнодушие. Они прибывали на землю, отягощенную памятью разделов Польши, а их самих обуревали многообразные чувства — от мстительной обиды, которую можно назвать “постколониальной” (“Это было наше!..”) до смущения, неприязни, раскаяния. Огромное большинство источников как польского, так и русского авторства, в которых содержатся данные, более или менее позволяющие создать “коллективный портрет общины”, оперируют лишь определением “русский” — это доказывает, что различению эмигрантов и лиц, имеющих польское гражданство, придавали тогда довольно мало значения. Это различие было существенным при обсуждении вопросов более детальных или связанных с политической деятельностью; зато оно почти ничего не значило, если говорить об условиях жизни, направлениях эмигрантских потоков, перемещавшихся по Европе, или поисках средств к жизни. Это понятно, однако, реконструируя историю эмигрантской политической мысли, я старался каждый раз дознаться не только, каков был формально-правовой статус данного активиста или автора (“эмигрант” или “гражданин Речи Посполитой”), но и был ли этот человек “репатриантом” или же раньше он не был постоянным жителем польских земель.

По многим причинам, изучая активных эмигрантов в Польше, мы встречаемся с негативным отбором: подавляющее большинство образованных и активных людей рассматривало Польшу как “транзитный этап”, со временем переезжая в страны, где сосредотачивалась интеллектуальная и политическая

жизнь эмиграции. Среди лиц, осевших в Польше, значительную часть составляли солдаты и офицеры русской армии, а также чиновники с монархическими взглядами: и те и другие были малообещающим материалом для выработки оригинальных политических концепций.

Напряженными и неприязненными — по сравнению с другими государствами, дававшими русским убежище, — были и отношения между польским обществом и государственно-административным аппаратом, с одной стороны, и русскими беженцами — с другой. И это, понятно, не способствовало развитию и свободному изъятию политических концепций эмиграции. Тому было несколько причин. Главную роль сыграло существование двусторонних негативных стереотипов и травм; не без значения было и то, что польская сторона давала выход чувству “триумфа” по отношению к представителям народа недавних захватчиков. Однако мнение подавляющего большинства беженцев, согласно которому главной причиной малого гостеприимства была якобы “имманентная польская русофобия”, представляется мне ошибочным.

По моему убеждению, в основе взаимной неприязни лежало принципиальное расхождение (несогласие или, прибегая к латыни, *incomptabilitas*) между польскими и российскими государственными интересами — российскими в том виде, как их понимали эмигранты. Для подавляющего большинства беженцев неприемлемым было то, что Рижский мирный договор обкарнал границы России.

Естественно, эмигрантские круги весьма различались своим отношением к модели государственного устройства России и к “национальной эмансипации” отдельных народов, входивших до 1917 г. в состав Российской империи. Разброс позиций проходил от имманентного “реставраторства” крайних монархистов, которые стояли за безоговорочный возврат государственного строя и прежней территории, через готовность к уступкам в области культурной, языковой или даже административной “автономии” польских земель, вплоть до представленной главным образом в “кадетских” кругах готовности признать независимость Польши. Впрочем, и эти уступки, даже шедшие далеко навстречу польским чаяниям, ограничивались территорией бывшего Царства Польского — ни одна политическая группировка русской эмиграции (за исключением сторонников Савинкова) не смирялась с потерей земель “Междуморья”, населенных “русскими племенами” (см. выше о доктрине триединства). Следует добавить, что даже кадетские круги, в принципе смирявшиеся с территориальными переменами и умень-

шением российского государства в его границах, предупреждали, что такого рода решения могут быть приняты лишь Учредительным собранием или другим представительством российского общества. Рижский же договор был в глазах эмиграции как бы дважды неправомочным: во-первых, он закреплял переход земель, принадлежавших России, под власть иностранной державы (Польши); во-вторых, власти Польши подписали его с “узурпаторами”. Если подпись большевиков под договором рассматривалась как еще одна “государственная измена”, то Польше в этом политическом преступлении выпала роль соучастника, притом действовавшего умышленно, если принять во внимание укорененный среди русских миф о польском “Drang nach Osten”.

Польские власти, в свою очередь, не могли смириться с тем, чтобы на их территории велась деятельность группировок, направленная на подрыв прочности и правомочности границ возрожденной Речи Посполитой. Они не могли позволить открыто высказывать и популяризировать такого рода позиции. Когда осознаешь, насколько резким и в то же время не поддающимся ликвидации было это расхождение, то просто дивишься тому, что эмигрантская община могла функционировать на польских землях на протяжении всего межвоенного двадцатилетия — даже в форме, ограниченной по сравнению с соседними странами. Следует предположить, что это происходило в силу двустороннего стремления к компромиссу или, может быть, точнее — нежеланию ставить вопросы ребром. Тем не менее польские власти не раз предпринимали решительные шаги (высылку) в отношении групп (главным образом монархистов), нарушавших “молчаливый компромисс” и открыто выступавших за пересмотр Рижского договора. Не без значения был и тот факт, что радикальные круги эмиграции могли подорвать холодные, но приличные польско-советские отношения, поэтому намерения и действия такого рода рассматривались властями Польши как угрожающие польским государственным интересам.

Именно ввиду подозрений (не безосновательных), что такого рода потенциально опасного “ревизионизма” (в отношении Рижского договора) и/или “радикализма” (в отношении СССР) придерживается подавляющее большинство “белых эмигрантов” в Польше, власти относились к ним в целом недоброжелательно. Это выражалось как в ряде правовых ограничений (не давали разрешения на деятельность эмигрантских политических партий, в программе которых можно было усмотреть “ревизионизм”; ограничивали свободу передвижения по восточным воеводствам), так и в том, что никто не предпринимал

(или предпринимал в самых скромных масштабах) начинаний по улучшению быта эмигрантов, какие предпринимались в большинстве европейских государств (дотации благотворительным организациям, стипендии школьникам и студентам, облегчения при организации просветительных учреждений). К этому следует добавить низкий материальный статус беженцев и присущее государствам, возникшим в результате распада Российской империи, отсутствие поддержки в российских дипломатических и консульских учреждениях, которой могли пользоваться эмигранты в Западной Европе и Америке. Более того, круги эмигрантов подвергались контролю и слежке (не раз даже манипуляциям), проводившимся сильными структурами польских спецслужб.

Все это приводило к тому, что отношения между поляками и русскими беженцами в межвоенное двадцатилетие были в немалой степени обусловлены негативно; можно сказать, что они были обречены на неудачу. Это происходило прежде всего в силу исторического “багажа”. Как в дискуссии о польско-русской границе (и шире — о региональном порядке в Центральной и Восточной Европе), так и в случае проводившейся в стране на фоне “обмена ролями” “реполонизации”, которую русские беженцы воспринимали как насильственную “полонизацию-дерусификацию”, — позиции настолько расходились, что трудно даже представить себе, как мог бы выглядеть потенциальный компромисс. Пространства взаимных уступок практически не было — и уж наверняка это пространство почти не существовало в глазах людей того времени^[6]. Невозможность согласовать позиции по вопросу о границах уже разобрана выше. Но и “дерусификация”, выглядевшая в глазах поляков актом исторической справедливости и “восстановлением наследия”, не могла не восприниматься русскими беженцами как поведение несправедливое, унижающее и отчуждающее. Польскому исследователю легче понять это сейчас, по прошествии времени. Людям межвоенного десятилетия (за редкими исключениями) это не удавалось — как в “споре о границах”, так и в “споре о наследии”. Дополнительно всё усложнял “багаж прошлого”: память о недружественных отношениях в эпоху разделов Польши и сильные негативные стереотипы, выросшие главным образом на основе опыта тех времен. Конкурентные картины будущего тоже не удавалось примирить: из того, что известно о попытках согласовать их или хотя бы дать им сосуществовать, пусть на уровне *desoim* или любезного обхождения в официальной жизни, трудно признать их удачными^[7].

Все это способствовало истолкованию поведения “другой стороны” с особой раздражительностью и своего рода мышлению в

рамках “теории заговора”: любое решение польских властей, пусть даже вполне обоснованное государственными интересами, без труда воспринималось как проявление “польской русофобии” — и наоборот: во вполне оправданном поведении бездомной общины русских бесподанных польские наблюдатели готовы были видеть “русификаторские склонности”. Дал себя знать и губительный, но столь нередкий в отношениях между двумя национальными общинами механизм “заколдованного круга”: поведение и решения одной стороны, сами по себе ничтожные, другой стороне кажутся непропорционально сильной реакцией. Польско-русские травмы в межвоенное двадцатилетие оставались открытой раной, не смягчались.

То, что выход существовал, доказывают позиции тех, кто с обеих сторон стремился к диалогу, — в первую очередь людей, собиравшихся вокруг Дмитрия Философова; их достижения заслуживают глубокого изучения. Но одновременно, предпринимая попытку “каталогизировать” мысль политических эмигрантов, в том числе и размышления о Второй Речи Посполитой и польско-русских отношениях, следует отдавать себе отчет в том, какой груз прошлого над ними тяготел и какой интеллектуальной независимостью (данной, увы, не всем) нужно было обладать, чтобы от этого груза избавиться.

Публикуемый текст — отрывок из готовящейся в настоящее время к печати кандидатской диссертации “Политическая мысль русской эмиграции во Второй Речи Посполитой”), написанной под руководством профессора Шимона Рудницкого и защищенной весной 2002 г. в Варшавском университете.

Конкурс "НП" - Рецензия и полемика

написать в редакцию

1. Как величайшую несправедливость, совершенную поляками, оценивает эту “фальсификацию” в своих воспоминаниях (хранящихся в Бахметевском архиве) Довойно-Соллогуб. Даже эмигранты, доброжелательно настроенные по отношению к Польше и на уровне политических деклараций признававшие украинцев отдельной нацией, в повседневной работе склонны были писать о нескольких миллионах русских в Польше (напр. А.Вельмин в “Последних новостях”, 1939, 12 марта).
2. Ср. напр. заявление польского посла в Москве Станислава Патека во время переговоров с чиновниками Наркоминдела,

когда после попытки братьев Трайковичей совершить теракт против советского посольства в Варшаве советские власти в очередной раз потребовали выселить всех эмигрантов с территории Польши, на что польская сторона не соглашалась: “В Польше белых эмигрантов сотни тысяч”.

3. “Я встретился с ней и с Пниным в доме известного эмигранта, эсера, за вечерним чаем — на одном из тех непринужденных сборищ, где старомодные террористы, героические монахины, одаренные гедонисты, либералы, дерзновенные молодые поэты, пожилые писатели и художники, издатели и публицисты, вольнодумные философы и ученые являли род особого рыцарства, деятельное и значительное ядро сообщества изгнанников, треть столетия процветавшего, оставаясь практически неведомым американским интеллектуалам, у которых хитроумная коммунистическая пропаганда создавала об эмиграции туманное, целиком надуманное представление как о мутной и полностью вымышленной массе так называемых “троцкистов” (уж и не знаю, кто это), разорившихся реакционеров, чекистов (перебежавших или переодетых), титулованных дам, профессиональных священников, владельцев ресторанов, белогвардейских союзов, — массе, культурного значения не имеющей решительно никакого” (Пер. С.Ильина).
4. “Из всех слов в польском и русском языке, — начинает Прушинский свой малоизвестный очерк, — нет, пожалуй, других, которые звучали бы настолько иначе и так отличались бы друг от друга, как вот эти слова: эмигрант, эмиграция. У вас, русских, эмиграция ассоциируется с такими именами, как Деникин, как Юденич, как Колчак, как Врангель, ассоциируется с бездарностью, жестокостью, с реакционностью и отсталостью, наконец, с парижскими кабаре, стамбульской панелью, китайскими курильнями опиума на Дальнем Востоке — со всем этим болотом, в которое в конце концов скатилась русская эмиграция (здесь и дальше выделено мной. — В.С.). Вот с чем у вас, русских, ассоциируется эмиграция. Но с нами, поляками, дело обстоит иначе. Для нас эмиграция означала величие. (...) Эмиграция звучит для нас великими именами далеких битв, в которых и польское оружие побеждало. Это пирамиды и итальянская кампания Бонапарта, это Аустерлиц и Ваграм, это Гогенлинден и Самосьерра”.
5. Я имею в виду прежде всего роль эмигрантов (как отдельных личностей или как фактора, с которым нужно считаться) в истории польско-советских отношений: начиная с трагической судьбы Бориса Савинкова, от которого в 1920 г. Ю.Пилсудский ждал, что он станет создателем “третьей России”, и который в 1924 г. перешел польско-советскую границу, что-

бы погибнуть на Лубянке, — вплоть до целого ряда террористов, от Бориса Коверды до Юрия Войцеховского, совершавших в Варшаве теракты против советских дипломатов.

6. “Несходимость” обеих позиций хорошо иллюстрирует неопубликованный комментарий польского публициста и политика Леона Василевского к очерку Виктора Чернова “Две недели в Польше” (“Воля России, 1925, №1). Василевский считает текст Чернова “примирительным”, выражает убеждение, что “одним из намерений автора было убедить хотя бы часть [эмигрантов] (...) что в Польше не так уж безнадежно плохо, как представляет себе рядовой русский, что „Польша” и „русофобия” — это не синонимы”. Так Василевский оценивал статью, автор которой, говоря о положении эмигрантов в Польше, сосредотачивался на закрытии русских школ, взрыве собора Александра Невского в Варшаве и полонизации восточных окраин, разумеется, все это осуждая. Группу Савинкова, по словам Василевского, Чернов считает раскольниками, на которых с момента ратификации Рижского договора легла тень национальной измены. Имеет смысл задуматься, каковы же были антипольские тексты, если этот очерк сочтен “примирительным”.
7. Даже у Савинкова, активность которого в планах польско-русского примирения, по крайней мере в 1920–1921 гг. несомненна, заверения, например, в том, что польский орел “нам, русским патриотам”, почти так же близок, как русский (“За свободу”, 1921, 1 янв.), звучат не слишком убедительно. Полное представление о том, как гротескны бывали попытки “единения памяти”, дает, например, описание празднования 15-летия восстановления независимости Польши в Виленской православной духовной семинарии (в анонимном письме — Бахметевский архив, организационные доклады РОВС, Польша, 1933–1934): после торжественного заседания была показана сценка, где в лесу у костра сидят три польских скаута — их роли, естественно, играют русские семинаристы — и с пафосом ведут разговоры о великой возрожденной Польше и о том, как они рады, что 15 лет назад “наши” показали Кузькину мать “москалям”, долго угнетавшим Польшу и не позволявшим ей развиваться.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В том замешательстве, которое сопутствует гонке повседневности, мы редко задаемся основополагающими вопросами. И, наверное, правильно делаем, а то от таких вопросов и сбеситься можно. И все-таки это не значит, что время от времени к ним не следует возвращаться. Один из таких вопросов: “Что есть истина?” — стал предметом дискуссии, проходившей в мае в Варшавском университете. Выступления участников дискуссии напечатаны в газете “Жечпосполита” (2006, №117).

Этот цикл открывается выступлением Лешека Колаковского “Вопросы, которые не поддаются умерщвлению”:

“Как ответить на вопрос Пилата? Я на него, разумеется, не отвечаю. Не ответил на этот вопрос, как известно, и Сам Иисус. (...) Если мы согласно аристотелевской традиции отвечаем, что истина есть соответствие мысли и действительности или соответствие наших суждений и действительности, это выглядит просто. (...) Когда я был студентом, меня учили, что определения истины делятся на две категории. Истина определяется как соответствие действительности или соответствие критериям. А это совершенно разные понятия. (...) Определение истины как соответствия действительности много раз подвергалось сомнению или считалось малопонятным. (...) Если мы принимаем во внимание какое бы то ни было суждение, которое должно быть истинным и, согласно этому определению соответствовать действительности, то мы, собственно, не очень-то знаем, что это значит. Где оно ей соответствует? В чем оно ей отвечает? (...) Мы можем обратиться и к другой традиции — т.н. онтологического понятия истины. (...) И всё это в рамках одного понятия соответствия действительности или соответствия вещам. Аристотель говорил: вещи суть причина истинности. Конечно, если таково наше определение истины, то мы должны обладать критериями, с помощью которых приходим к истине. Но мы не определяем истину этими критериями. Однако мы должны их иметь. (...) Если же у нас есть критерий, который, как мы считаем, приводит нас к истине, то для того, чтобы верить в эффективность, в достоверность этого критерия, мы должны иметь другой критерий, который нас в этом упрочит. А этот другой критерий подлежит тому же возражению, и мы

оказываемся в бесконечном регрессе. Выходит, нет критерия истины. И, значит, нет истины в том значении, в каком мы хотели бы ее иметь”.

Все это звучит весьма абстрактно, но это отнюдь не абстрактно. Обсуждая различные критерии истины, применяемые в науке и практической жизни и указывая их недостаточность, Колаковский в то же время указывает, что это не снимает, не убирает из нашей жизни все того же основополагающего вопроса: “Что есть истина”.

И вот дальше мы читаем у Колаковского, что несмотря на трудности с определениями существуют такие области мышления, где

“люди хотят знать, как оно есть на самом деле, как оно есть в мире. Какова действительность. В особенности если речь идет о разнообразных религиозных верованиях. Как оно всё есть? Откуда я в мире взялся? (...) Целенаправлен ли мир, в котором мы живем, или это бессмысленное движение бесчисленных атомов, а в этом движении никакой цели, ничего не происходит имеющего какой-то смысл? И что такое добро и зло — просто наши условности или реальные свойства вещей? И всё это такие вопросы, которые не позволяют себя ликвидировать, убрать себя из человеческих умов. Это такого рода вопросы, на которые люди хотели бы получить подлинный ответ, то есть знать, как оно есть на самом деле, как оно есть в действительности. (...) Если бы они [эти вопросы] должны были сгинуть, провалиться под землю, никого больше не интересовать, это была бы какая-то странная культурная мутация, которой, однако, мы на самом деле описать не можем”.

При наблюдении нашей жизни у меня появляется неясное предчувствие, что эта мутация, собственно говоря, уже происходит. И даже если еще нет, то мы от нее на расстоянии одного шага. Но, может быть, вместо того чтобы идти прежним путем, мы пойдем иначе? Таковую надежду пробуждает другое выступление в той же дискуссии — “Продолжение всегда неизвестно” Кшиштофа Михальского:

“Истинное знание говорит о том мире, каков он есть. Между тем Христос призывает своих слушателей покинуть тот мир, каков он есть (...) и пойти за Ним. (...) В присутствии Христа (...) все прежние значения вещей оказываются непрочными, хрупкими, временными. Тот мир, каков он есть, убеждает Христос, — это не всё. Это не самое главное. Обратим внимание, что Христос не говорит, куда пойдут те, кто пойдет за Ним, — Он есть путь. Не говорит, как тогда будет выглядеть их жизнь: что

она исправит, а что оставит, — Он есть жизнь. Не хочет заменить то, что они знали до сих пор, каким-то другим, более истинным знанием (...) — Он есть истина”.

Далее, обращая внимание на противопоставление “истины” и “жизни”, которого требует Христос, Михальский пишет:

“Когда Иисус говорит “Я есмь истина” или говорит о ком-то, кто “творит истину”, Он говорит о жизни, именно о такой жизни, не о соответствии действительности, не об истинном знании. Он говорит о той темной, таинственной стороне жизни каждого из нас, благодаря которой любая минута этой жизни может стать началом чего-то совершенно нового. Рассказ евангелиста Матфея о смерти Христа — лучшее тому свидетельство: перед самой смертью Христос в тревоге кричит: “Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?” Почему Он кричит, чего Он боится? Разве Он не знает продолжения этой истории, которая закончится хэппи-эндом? Нет, не знает. Продолжение этой истории всегда неизвестно. (...) Если это так, то истина, т.е. знание о том, что есть, — не представляет в этой жизни высочайшей ценности”.

Тем более, прибавим, что “знание о том, что есть” — это всегда по сути дела знание о том, что было, и в этом понимании понятие истины всегда относится к прошлому: суждение, говорящее, что нечто — есть, всегда оказывается позднее того, о чем оно говорит.

Третий из философов, принимавших участие в варшавской дискуссии, Владислав Стружеский, назвал свое выступление “Божественное знание”:

“Наша жажда истины — это, похоже, претензия абсолютная. А это значит: мы хотели познать действительность, в том числе и самих себя, так, как познает Бог. Одно из определений метафизики, заимствованное в Средние века от Аристотеля, отождествляет истину со “scientia divina”. Это определение обычно толкуют как “знание о Боге (или о Божественном)”. Нельзя ли, однако, перевести его как “Божественное знание”, то есть иметь в виду то знание, каким обладает Бог? Подозреваю, что таково глубочайшее чаяние метафизики... И в конце — еще одно. Истина — дело всего человека. Не только интеллекта, но и чувств, и воли. В целокупном опыте, в который включены все наши силы, особенно же наша любовь, предмет нашей направленности способен явиться в самом полном свете и всей своей красоте”.

Так говорят философы. Но в дискуссии приняли участие не только философы — о понятии “исторической истины” интересно говорил Януш Тазбир в выступлении “История из учебника медицины”. Мне кажется, что оно оказывается довольно важным в контексте той дискуссии об “исторической политике”, о которой я недавно писал. Тазбир говорит:

“Особенно в стране, которая, как наше отечество, в течение трех последних веков была скорее объектом, нежели субъектом истории, исторической истине нередко было трудно пробиться сквозь барьер цензурных ограничений — чужих и своих. Под “своими” я имею в виду патриотическую или, если кто предпочитает, национальную цензуру, невероятно чувствительную к любым проявлениям критики, т.е. к такой картине прошлого, которая может принести удовлетворение захватчикам. Эта цензура охватила и воспоминания, из которых издатели и их меценаты довольно бесцеремонно вырезали “неподходящие” фрагменты. (...) Другим способом борьбы с исторической истиной бывал такой подбор фактов, который в сумме приносил лживую картину прошлого. Когда в 1980 г. комиссия “Солидарности” приступила к пересмотру школьных учебников истории, ее члены с удивлением увидели, что учебники не содержат ложных сведений о самих фактах. Однако факты были хитроумно отобраны и снабжены лживыми разъяснениями”.

В заключение Тазбир сказал:

“Обучая истории, следует восстановить ее основополагающие функции, которых она была лишена после 1795 года. Вместо того чтобы быть прежде всего объективным знанием о прошлом, она представляла собой своего рода вексель, которым размахивали перед глазами Западной Европы, скорее равнодушной к нашей судьбе”.

Прибавим: это был скорее всего вексель без покрытия, ибо нет оснований, по которым Западная Европа или кто бы то ни было другой были обязаны платить нам за зигзаги нашей судьбы.

Но вопрос об “истинности” не обходит стороной и литературу. На страницах приложения “Европа”, перенесенного из газеты “Факт” в недавно созданный “Дзенник”, идет дискуссия о связи литературы с действительностью и о роли литературной критики. Здесь стоит отметить статью Михала Павла Марковского, одного из самых динамичных критиков среднего поколения, “Долой декадентство” (2006, №22). Марковский пишет:

“Раз за разом возвращаются жалобы на непредставленную действительность и на то, что писатели прячутся в башню из сло-

новой кости или (...) в “келью писца”. Тогда критики говорят о необходимости отвечать на требования действительности и об ответственности перед историей и осуждают — либо обходят презрительным молчанием — литературные опыты, балансирующие на границе бесполезной артистичности, которые якобы подрывают нашу “веру в существование мира”. Во имя действительности лавинообразно нарастает инфляция стадной банальности. Из чего рождаются такие аргументы? А рождаются они (...) из убеждения, что литература должна следовать духу времени, что она должна включаться в дела гуманизма, что она должна отодвигать в сторону соблазн автономии. Какое мировоззрение стоит за такими убеждениями? А не что иное, как марксизм или, шире, левое мировоззрение. Тот, кто хочет, чтобы литература писала портрет с действительности, а не углублялась в душу (как известно, лишь относительную надстройку), чаще всего бессознательно оказывается в объятиях ангажированной критики, то есть — поставим точки над “i” — в высшей степени идеологизированной”.

Одновременно Марковский указывает, что в этом раскритикованном им подходе наличествует буржуазный миф, признающий только “объективную” картину мира. Отсюда возникает важнейший вопрос:

“Кто постановляет, что реально, а что — нет? (...) Сама действительность устанавливает критерии истинности и решает, какие суждения о ней верны, а какие ошибочны. Тем самым действительность — как детерминирующее, а не детерминированное, как определяющее, а не определяемое — приобретает черты абсолюта. (...) Я считаю, что критик, который говорит, что действительность существует независимо от наших способов ее описания, а мы знаем, что она такое, ибо располагаем таким проникновением в нее, которое свободно от идеологического налета, — что такой критик абсолютизирует действительность и тем самым ликвидирует возможность спора о ней. Нет ничего более спорного, чем действительность, и спорить о ней поэтому нужно”.

По мнению Марковского действительность существует только в истолковании:

“Из этой веры вытекает, что нет противостояния между языком и действительностью, зато существуют серьезные различия между мировоззрениями, используемыми для ее описания. Да, конечно, действительность существует, да только смысл ее меняется с каждым новым языком. Об этом-то и давайте говорить: о языках описания, об идеологиях, о мировоззрениях, о перспективах как литературы, так и ее исследовате-

лей, — а безнадежно пустые речи о самой действительности выбросим в мусор, ибо из их жалких судорог ничего не происходит”.

Хотел бы я, признаюсь, обладать таким хорошим самочувствием, какое демонстрирует Марковский, по существу исповедующий здесь веру в то, что дискуссию о действительности можно безнаказанно заменить дискуссией о литературе. Заменить — то, конечно, можно, но это же не означает, что в любых обстоятельствах мы с этой заменой выйдем сухими из воды. Да, можно глубоко верить, что нам навсегда дарована свобода дискуссии, позволяющая настолько абстрагироваться от реальных событий, чтобы и их рассматривать как художественное (идеологическое, мировоззренческое) творение — и попросту всего лишь истолкование. Но эта вера столь же прекрасна, сколь и наивна, в чем горько убедился Бруно Шульц — на авторитет которого ссылается Марковский, — убитый в дрогобычском гетто. Конечно, не возразишь против того, что разные картины действительности сталкиваются друг с другом или взаимно пересекаются, и все-таки они не равноправны. Некоторые готовы ликвидировать все остальные и, бывает, добиваются в этом трагических успехов — иногда и с помощью самой литературы. И есть смысл подумать, что делать с этим фантом, тем более что подход Марковского в конце концов ведет к маргинализации культуры в общественной жизни. А эта маргинализация — о чем пишет в газете “Жечпосполита” (2006, №129) прозаик и критик Ежи Сосновский в статье “Культура, дурак!” — создает реальные опасности:

“В Польше (...) на протяжении многих лет занимались тем, как бы лучше обругать интеллигентов: то они “лжеэлита” и пользуются “псевдоавторитетом”, то не понимают правил рыночной экономики и свою бестолковость ошибочно принимают за проявление духовного благородства; об элитарной системе образования никто уже и заговорить вслух не решается. А ключ к вопросу составляет как раз молодежь: если не удастся обратить молодых людей к культуре в ее самой патетической функции, то мы и дальше на протяжении двух поколений будем источником дешевой рабочей силы для более культурных стран мира. Разве что нашу цивилизацию раньше сметет с лица земли более экономически эффективный Китай или серьезнее относящийся к вопросу “зачем живет человек” арабский мир. Но такого рода ликвидации нашего культурного отставания себе не пожелаешь”.

Пожелать себе такое трудно, это верно. Но так же трудно и не заметить, что вышеупомянутая “патетическая функция”

культуры уже самими людьми культуры в кругу нашей цивилизации рассматривается не только с иронией (ирония хоть что-то спасает), но со все большим презрением. А те, кто знает правила рыночной экономики, погружают нас в пространство все более дебильной “массовой культуры”.

Конкурс "НП" - Рецензия и полемика

написать в редакцию

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• “Примирение, любое примирение требует труда, усилий, терпения и, главное, более широкого взгляда на историю, а не одной только болезненной исторической памяти, — говорил профессор Збигнев Бжезинский на торжестве по случаю присуждения ему “Газетой выборчей” звания “Человек года”. — Друзей следует убеждать в своей правоте, а не отталкивать их с позиции морального превосходства. Чтобы сохранить и упрочить оптимальное положение, требуется также польское государство, сознательно укрепляющее в обществе демократическую культуру”. В обосновании отмечено, что Збигнев Бжезинский награжден за заслуги в деле восстановления независимости Польши, укрепления нашей демократии и помощь в отстаивании польских государственных интересов. “Газета выборча” присуждает звание “Человек года” уже в восьмой раз — всегда в годовщину создания газеты, впервые появившейся на рынке 17 лет назад и ставшей первым независимым и официально выходившим печатным органом в странах восточного блока. В этом году юбилей “Газеты” сопровождался дискуссиями на темы “Россия Солженицына” и “Ислам в Европе”.

• Премию им. Яна Новака-Езёранского получил в этом году Станислав Шушкевич, физик по профессии, член Белорусской Академии наук и первый президент независимой Белоруссии, в настоящее время председатель одной из самых сильных оппозиционных партий в этой стране — “Громады”.

• Фестиваль “Два театра”, оценивающий телевизионные и радиоспектакли, проводится уже шесть лет. В этом году его лауреатами стали: “Юлий Цезарь” Шекспира в постановке Яна Энглерта, спектакль, прозвучавший как отклик на современные занятия политикой, и радиоспектакль “Где же этот дешевый торговец?” Алиции Быковской-Сальчинской (пьеса написана специально для радио) в постановке Вальдемара Модестовича. Но самым главным, пожалуй, было то, что сказал на закрытии фестиваля новый председатель Польского телевидения Бронислав Вильдштейн: “Я действительно отношусь к Театру телевидения очень серьезно, считая его чрезвычайно важным элементом программы. (...) Спектакли Театра ТВ необходимы,

телевидение обязано заново обращаться к классике, чтобы меряться с ней силами, по-новому ее прочитывать”.

- О постепенно возникающих польских интернет-комиксах пишет Войцех Орлинский: “Интернетных комиксов в Польше создано уже много, но среди них не так много того, что „можно почитать”, — в основном это короткие впечатления в нескольких картинках. К любопытному исключению относится „Первая бригада” (...) выдержанная в модном с недавнего времени жанре фантастики, когда современные авторы представляют происходящее в XIX веке, пользуясь схемами фабулы, типичными для нашего времени... В этом направлении фантастики довольно часто наблюдается обращение к классическим персонажам литературы прежней эпохи и историческим конфликтам того времени (...) Сам по себе этот жанр как будто прямо создан для польских писателей. В конце концов наше литературное воображение по-прежнему глубоко погружено в XIX век, а вдобавок там мы находим как нельзя лучше соответствующие фантастике сюжеты: тайные общества, общественные деятели-утописты и гениальные изобретатели. (...) Все началось с „Новых приключений Стася и Нели” [героев некогда крайне популярного романа Генрика Сенкевича “В пустыне и джунглях”], оказавшихся лишь разминкой перед настоящим произведением, которым и стал цикл „Первая бригада”. (...) В первых сериях мы узнаем о том, как Станислав Тарковский, сражаясь с агентами царизма, случайно знакомится в Сибири с Юзефом Пилсудским. В следующих сериях должны появиться, в частности, Феликс Дзержинский, Мария Кюри-Склодовская и многие другие интересные действующие лица. (...) Интернетный комикс „Первая бригада” — любопытное описание борьбы поляков за независимость, сделанное на языке массовой культуры”.

- Почетным гостем 51-й Международной книжной ярмарки в Варшаве была Германия с ее неоспоримой звездой первой величины — уроженцем Гданьска, лауреатом Нобелевской премии Гюнтером Грассом. Вторым выдающимся немецким гостем был поэт Ганс Магнус Энзенсбергер, который во время встречи с читателями, говоря о своей стране, сказал, в частности, следующее: “В 50-е годы мы изображали себя чемпионами мира в творении зла. Затем мы стали чемпионами мира в творении добра. Как величайшие в мире пацифисты мы внушали всем, какое зло война и насколько необходимо помогать странам Третьего мира. Сегодня мы приближаемся к реалистической картине того, кто мы такие, немцы”. Между тем польские издатели по-прежнему интересуются главным образом книгами, связанными со II Мировой войной. “Воспоминания горничной Гитлера, повара Гитлера, парикмахера Гитлера, — шу-

тит агент двух десятков немецких издательств по поводу лицензий, особенно охотно покупаемых поляками. — И еще, чуть не забыла, мемуары Геббельса”. Не очень довольны и сами польские издатели, для которых цена участия в ярмарке слишком высока, а сделок заключается слишком мало. В таких обстоятельствах ярмарка становится скорее книжным базаром для узкого круга с фоном из знаменитостей. Она привлекает посетителей, но не издателей.

- В списке польских бестселлеров обращает на себя внимание перемещение на второе место (сразу за “Домом на клифе” Моника Швай) книги Мартина Светлицкого “Двенадцать”. Замечательный поэт, один из создателей музыкального ансамбля “Светлячки”, испробовал силы в иной области массового творчества — детективной литературе. Книгу оценили как превосходно написанную: “...множество автобиографических элементов превращает ее в роман с ключом, при очень интересном изображении сферы нравов. Отличное развлечение, — пишет рецензент, — хотя я предпочитаю классиков литературного преступления”. Четвертое место занимает футуристический роман “Операция „День Воскрешения”” Анджея Пилипюка, а затем идут, в частности, “Трактат о лущении фасоли” Веслава Мысливского, “Бальтазар” Славомира Мрожека и, конечно, последний роман Иоанны Хмелевской “Бледная спирохета”.

- “Автобиографическим романом назвал Филипп Байон свою книгу „Тень дня”, — пишет Кшиштоф Маслонь. — Книга отвечает практически всем требованиям, предъявляемым к автобиографии, но все же это не автобиография. Так что же это? Портрет художника времени переломов: в сфере традиций, ментальности, эстетики, политики”. Филипп Байон, начинавший творческую карьеру как писатель, а сегодня более известный как кинорежиссер, этой книгой возвращается к своим литературным началам (отрывки из книги “Тень дня” опубликованы в этом номере “Новой Польши”, стр.???)

- Вышла книга Мариуша Вилька “Дом над Онежским озером”, заявленная как первая часть планируемого “Северного квартала”. Произведение представляет собой хронику жизни в Карелии, историю путешествия в прошлое и вглубь себя. Автор, постоянно живущий на дальнем севере России, говорит: “Когда я обещаю написать четыре книги, то обязательно добавляю: если доживу. Север — это же экстремальные условия. За Полярным кругом люди страдают от недостатка света и витаминов. Там существует такое явление, которое называют арктической истерией — с ней связаны всяческие „улёты” и галлюцинации.

Ну что ж, за все надо платить”. И об этом пишет Мариуш Вильк в своих книгах.

- “Толпы в выставочных залах, длинные очереди и битком набитые автобусы. Но все равно всем понравилось”, — так кратко оценила пресса теперь уже третью варшавскую Ночь Музеев. А этой ночью действительно было на что посмотреть и что послушать: на большинстве площадок были организованы специальные программы, сопровождавшие экспозиции. С семи часов вечера и до часу ночи можно было бесплатно посетить 50 музеев и галерей, а специальный автобусный маршрут обслуживали более двадцати — теперь уже тоже “музейных” — “огурцов” (так называли старые автобусы марки “Ельч”).

- “Иконы победы” — такая выставка, посвященная Польше 1980-х, прошла в варшавском Музее промышленности. Инсталляции современные, но на выставке представлено также множество работ с чердаков и из шкафов целой плеяды художников. “Эти вещи, — говорит Клара Копчинская, соавтор идеи выставки, — 20 лет тому назад нельзя было выставить. Позже (...) это искусство уже никого не интересовало, теперь же мы открываем его заново”. А Ежи Маевский пишет: “Микрофон на трибуне в заводском цеху отвлителен, как поздний период ПНР. (...) Подходишь, шепчешь, а зал заполняется трубным голосом Эдварда Герека. (...) Одно говоришь, другое слышишь. (...) Герек — это 70-е годы. Но если бы не его пропаганда успеха, а затем глубокий кризис, то не было бы “Солидарности” и 80-х годов”. На выставке экспонируются также другие документы эпохи, например коллекция карточек на мясо, почтовые открытки с памятниками ПНР, фотографии героев того времени.

- Нынешний Фестиваль польской песни в Ополе не дождался положительных отзывов прессы. Поэтому, подводя итоги этого мероприятия, Роберт Санковский написал: “Честь “старого доброго Ополя” защищал воскресный вечер “Мир в облаках” (...) посвященный Мареку Грехуте, а также основанное на классических скетчах зрелище “101 год польского кабаре”. (...) Спрашивается только, почему опольский фестиваль должен был обратиться к классике, чтобы на нем стало наконец происходить то, что можно оценивать как (...) музыкальное событие”.

- В этом году “Краковский кинофестиваль подтвердил свою репутацию киномотра, глубоко погруженного в мировые проблемы, сосредоточенного на документальном киноматериале, иногда противоречивом, но не эпатирующем рискованными или жестокими сценами”, — написала о Фестивале короткометражных кинофильмов Юстына Новицкая. А Ежи Армата дополняет ее диагноз: “На краковском фестивале наибольшей по-

пулярностью пользуются фильмы о том, что важно и универсально, а не “нюасы” и горячие темы. Последнее следует оставить телевидению и ежедневным газетам”. Лауреатом “Золотого Дракона”, высшей премии в международном конкурсе, стал Сергей Лозница за документальную ленту “Блокада”, смонтированную из архивных материалов, снятых во время блокады Ленинграда. “Золотой Лайконик” — премия в конкурсе отечественных фильмов — была присуждена кинофильму “Семена”, созданному Войцехом Касперским в рамках проекта “Россия — Польша. Новый взгляд”. Премию за творческий вклад в развитие кинематографии, статуэтку “Дракона Драконов”, получил Казимеж Карабаш, выдающийся польский кинодокументалист, замечательный педагог, воспитавший многие поколения польских кинематографистов.

- Отход от политики в кинодокументалистике можно было также заметить на организованном в третий раз в Варшаве киносмотре “Planete Doc Review”. “Все четыре награжденных фильма объединяет одно, — пишет Михал Хачинский. — Все они посвящены личной истории другого человека, на первый взгляд отличного от нас и все же так на нас похожего. (...) Цифровые камеры изменили характер документального кино, по природе своей требующего близкого контакта с героем. То, что могло создавать трудности, когда, скажем, в помещении присутствовала киногруппа, сегодня стало простым, ибо маленькие камеры хороши в самообслуживании”.

- В возрасте 85 лет в Варшаве скончался футбольный тренер Казимеж Гурский, “честный, скромный, доброжелательный, которого любили болельщики. Король польского футбола”, — так написано в некрологе. Он привел польскую команду ко многим победам, самой ценной из которых было третье место на проходившем в 1974 году в Германии чемпионате мира. Возглавляемая им команда привезла также золотую олимпийскую медаль с Олимпийских игр в Мюнхене и серебряную — из Монреаля.

“Рецензия и полемика” – конкурс “Новой Польши”

Ждём текстов активных Читателей бумажного и электронного изданий журнала. Создавайте “НП” вместе с нами!

Вас взбудоражило мнение автора “НП”? Или же вы хотите поддержать тезис публициста? Вы считаете новый номер ежемесячника скучным – или, может быть, увлекательным и ценным?

Поделитесь своей точкой зрения с редакцией сайта и с другими читателями. Присылайте свои рецензии (на статью из бумажной “НП”, на текст из электронной версии, на номер журнала), комментарии и полемики (со статьёй или с группой статей).

Ваших текстов ждём **до конца каждого чётного месяца**, начиная с августа 2006 года. Итоги конкурса будут объявляться до середины месяца, наступающего после срока присылки текстов.

Самые интересные тексты будут публиковаться на нашем сайте, а лучшие из лучших – также в бумажных изданиях. Лауреаты конкурса получают награду в виде **бесплатной годичной подписки на “Новую Польшу”**.

написать в редакцию